

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

**Третья конференция
по уральским, алтайским
и палеоазиатским языкам**

Тезисы докладов
международной научной конференции
Санкт-Петербург / Online, 21–23 ноября 2022 г.

Санкт-Петербург
2022

Третья конференция по уральским, алтайским и палеоазиатским языкам. Тезисы докладов международной научной конференции, Санкт-Петербург / Online 21–23 ноября 2022 г. — СПб.: ИЛИ РАН, ЦСО, 2022. — 119 с.

ISBN 978-5-906623-58-4

Редакционная коллегия: В. В. Баранова, Е. В. Головки, Н. В. Кузнецова, А. В. Мазарчук, М. З. Муслимов, М. А. Овсянникова, С. А. Оскольская, А. М. Певнов, Е. В. Перехвальская, М. Ю. Пупынина, Ф. И. Рожанский, П. О. Рыкин, А. А. Сюрюн, А. Ю. Урманчиева.

Рецензенты: к.ф.н. Н. С. Яхонтова (ИВР РАН), Баярма Хабтагаева, Dr. Sc. (университет Неаполя).

Оригинал-макет подготовила А. В. Мазарчук.

ISBN 978-5-906623-58-4

© Коллектив авторов, 2022

© ИЛИ РАН, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

<i>БАЖУКОВ М. О.</i> ДОМ для одушевлённых имён в якутском языке ...	8
<i>БЕЛОЗЕРОВА М. С., КУЗНЕЦОВА Н. В.</i> Влияние просодической позиции слова на длительности входящих в него сегментов в прибалтийско-финских идиомах Ингерманландии	11
<i>БУРОВ Д. А.</i> Нефинитная глагольная форма на -em в кильдинском саамском: причастие или отглагольное существительное?	15
<i>ГОЛОВКО Е. В.</i> Сколько языков в России?	19
<i>ГРИШИН Н. К., ЖОРНИК Д. О., КОЗЛОВ А. А., ХАРИТОНОВ В. С.</i> Превербы ландшафтной ориентации в севернохантыйском и северномансийском языках	20
<i>ГРУЗДЕВА А. И., АЛХАЗОВА А. В., ГОЛОВНИНА А. С., НАСЫРОВА Р. Р., САДКОВСКИЙ Ф. А.</i> Классификация кумыкских глаголов в терминах аргументно-событийной структуры (на материале терского диалекта)	24
<i>ГРУЗДЕВА Е. Ю.</i> Звукоподражания в нивхском языке	27
<i>ГУСЕВ В. Ю.</i> Твой, его или ничей: посессивные суффиксы в нганасанском языке	30
<i>ЕГОРОВ И. М.</i> Глухие латералы в уральских языках: синхронная и диахроническая типология	32
<i>ЗАЙКА Н. М.</i> Заимствованные полипредикативные причинные показатели в малокарачкнском диалекте чувашского языка	35
<i>КАСЕНОВ Д. Е., ПАРАМОНОВА Д. А.</i> Синтаксическая вариативность зависимых клаузов модального предиката ярай в терском кумыкском как следствие их субъектного статуса	38
<i>КАСЕНОВ Д. Е., ПАРАМОНОВА Д. А.</i> Частичная судьба тюркского эвиденциального перфекта в терском диалекте кумыкского языка ..	40
<i>КАШКИН Е. В.</i> К типологии грамматикализации глаголов восприятия: конструкция «инфинитив + aʔʒʰnɔ ‘видеть’» в татышлинском удмуртском	43
<i>КЛЯЧКО Е. Л.</i> Омонимия SAY/DO/WANT в тунгусо-маньчжурских языках	46

<i>КОЗЕРА-СЛАВОМИРСКА И.</i> «Сравнительные словари всех языков и наречий» (1787-1789) Петра Симона Палласа как источник лексического материала тюркских языков	50
<i>КОШКАРЁВА Н. Б.</i> Типология сравнительных конструкций в урало-алтайских языках Сибири	54
<i>КРЮКОВА А. И.</i> Глаголы вращения в татышлинском удмуртском в типологической перспективе	55
<i>КУЗНЕЦОВА Ю. Н.</i> Субъект деепричастной клаузы и согласование деепричастий на -кэ и -č'č'оӝ в татышлинском удмуртском	59
<i>ЛАПШИНА К. М.</i> Комитатив и каритив в тундровом ненецком языке: о характере оппозиции	62
<i>НЕКРАСОВА Г. А.</i> Местоимение мыйкӧ «что-то» как лексический маркер хезитации в коми языке	64
<i>ОРЛОВ В. А.</i> Система неопределённых местоимений в прибалтийско-финских языках на материале переводов Нового Завета	67
<i>ОСКОЛЬСКАЯ С. А., СТОЙНОВА Н. М.</i> Диалектные особенности глагольной системы горинского нанайского (на материале текстов из архива А. П. Путинцевой)	70
<i>ПЕВНОВ А. М.</i> Адвербиальный местный падеж в тунгусо-маньчжурских языках	72
<i>ПЕРЕХВАЛЬСКАЯ Е. В.</i> Пассив в удэгейском языке	74
<i>ПОЦЕЛУЕВ В. А.</i> Нефинитные риторические вопросы в системе нефинитных форм казымского диалекта хантыйского языка	76
<i>РОССЯЙКИН П. О.</i> (Не)определенность безартиклевых ИГ в двух тюркских языках	79
<i>САХАРОВА А. А.</i> Текущее состояние системы указательных местоимений в михайловском говоре по данным полевых исследований	82
<i>СИНИЦЫНА Ю. В.</i> Компаративный суффикс -ges в глагольных конструкциях: данные татышлинского удмуртского	84
<i>ТОТ Ж.</i> Некоторые венгерские причастные обороты в сравнении с уральскими и алтайскими	86
<i>ХОМЧЕНКОВА И. А.</i> Универсальные кванторные слова в татышлинском удмуртском	90

<i>J. D. BOBALJIK</i> . OV and VO Order in Itelmen	93
<i>B. BROSIG</i> . The functional range of the so-called Khalkha-Mongolian “completive” marker -č-	95
<i>M. ÇELİK</i> . The syntactic representation of quantificational subjects in Turkish	98
<i>E. GÖRGÜLÜ</i> . Fragment answers, (lack of) double negation and negative concord in Turkish	100
<i>E. GÖRGÜLÜ, B. ÜNSAL</i> . The status of ne... ne... and optional negative concord in Turkish	103
<i>J. JANHUNEN</i> . The Amuric word for ‘small whale’ and its reflexes in other languages	106
<i>D. MORDASHOVA, M. PUPYNINA, N. ARALOVA</i> . Associated motion in the Lower Kolyma area: Even, Chukchi and Tundra Yukaghir	107
<i>M. MUSLIMOV</i> . A Disagreement in the Modern Ingrian Finnish	109
<i>M. ÖLMEZ</i> . New Lexicology of Old Turkic Runic Inscriptions	111
<i>E. RAGAGNIN</i> . Turkic and Mongolic strategies to express ostension..	111
<i>V. TYUTYUNNIKOVA</i> . Kazym Khanty Word Stress in Optimality Theory	112
<i>A. VINYAR, T. KAZAKOVA</i> . Denominal suffixal verbs in Bystraja Even: evidence for the typology and diachrony of noun incorporation	114
<i>ZHENG ZHONGHUA</i> . Layers of Vowel Phonological System and Variation in the Sibe Language	117

ДОМ для одушевлённых имён в якутском языке¹

М. О. Бажуков
(НИУ ВШЭ)

В якутском языке имеет место дифференциальное маркирование объекта (ДОМ), описанное в [Vinokurova 2005; Baker, Vinokurova 2010; Baker 2014] как связанное прежде всего со специфичностью (specificity, [von Heusinger 2011]) прямого объекта, а также с его позицией и информационной структурой предложения (ИС). Прямой объект маркируется аккузативом, если он специфичный или в отрыве от глагола (не в предглагольной позиции). ДОМ описан также для других тюркских языков, в частности, татарского [Lyutikova, Pereltsvaig 2015; Lyutikova, Ibatullina 2015; Татевосов и др. 2017] и турецкого [Kornfilt 1997; von Heusinger, Kornfil 2005].

Мной был исследован ДОМ в говорах якутского языка сёл Хатырык и Кентик. Основные выводы таковы:

- 1) ключевой фактор – одушевлённость;
- 2) одушевлённые имена маркированы *всегда*, кроме случаев узкой сферы действия относительно закрытого класса модальных операторов.

При рассмотрении факторов [Сердобольская, Толдова 2012], определяющих ДОМ, ИС и позиция оказываются значимы. Но специфичность, считавшаяся главным фактором, *определяет* выбор маркирования лишь у неодушевлённых имён, ср. (1). К неодушевлённым мы относим и названия животных: они ведут себя иначе, чем имена людей (далее – *личные* или *одушевлённые имена*).

- (1) Сардаана билигин **ынах** / **ынаҕ-ы** ыыр
Сардана сейчас корова корова-ACC доить.PRS[3SG]

∅ : ‘Сардаана сейчас доит (корову / коров)’.

ACC: ‘Сардаана сейчас доит корову’ (конкретную // определённую из контекста).

С личными именами ситуация совсем иная. Они маркируются аккузативом почти всегда, ср. (2b), где ‘оперный певец’ маркировано

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Языки народов России: морфосинтаксис во взаимодействии с другими модулями языка», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 году.

при любой интерпретации, с (2а), где для *неодушевлённого* имени ‘концерт’ имеет место ДОМ по специфичности.

(2а) *Театр-га бар-ых-нут, концерт-(и) көр-үөх-нут.*
 театр-DAT идти-FUT-1PL концерт-ACC видеть-FUT-1PL

‘Нам нужно пойти в театр, мы увидим концерт’.

∅ : неконкретный

ACC: конкретный

(2b) *Театр-га бар-ых-нут, опернай ырыаһыт-*(ы) көр-үөх-нут.*
 театр-DAT идти-FUT-1PL оперный певец-ACC видеть-FUT-1PL

‘Нам нужно пойти в театр, мы увидим оперного певца’

(неконкретного // конкретного)

ДОМ по специфичности для личных имён возможен только в контекстах с модальными операторами, причём не с любыми. Так, он возможен с глаголом ‘искать’, с глаголами деонтической модальности (3), модальными наречиями *сөп* ‘можно’ и *наада* ‘нужно’.

(3)

a. *Франсия бар-ар-га Петя франсууженка*
 Франция идти-PRS.PTCP-DAT Петя француженка

кэргэnnэн-иэх-тээх

жениться-FUT.PTCP-OBLIG

‘Петя должен жениться на француженке, чтобы переехать во Францию’.

b. *Петя франсууженка-ны кэргэnnэн-иэх-тээх.*
 Петя француженка-ACC жениться-FUT.PTCP-OBLIG

‘Петя должен жениться на француженке’

(на конкретной, например, после обязывающего действия).

Однако, например, при глаголе *баҕар* ‘хотеть’ маркирование аккузативом для личных имён *обязательно*, т.е. ДОМ по специфичности для них в этом контексте невозможен. При этом здесь и в упомянутых выше контекстах для неличных имён ДОМ по специфичности *имеет место* (4b).

(4a) *Хаһан эмит Петя үнкүү-гэ (*кыыс) / кыһ-ы*
 когда если Петя танец-DAT девушка девушка-ACC

ынгыр-ыа-н

пригласить-FUT.PTCP-ACC

бабар-ар

хотеть-PRS[3SG]

{Петя никогда не танцевал и стесняется, но...}

‘Когда-нибудь Петя хочет пригласить девушку на танец’.

(4b) *Петя масыына-(ны) атыылаһ-ыа-н бабар-ар.*

Петя машина-ACC купить-FUT.PTCP-ACC хотеть-PRS[3SG]

‘Петя хочет купить машину’

∅ : неконкретную

ACC : конкретную.

Операторы, не являющиеся модальными, например отрицание или квантор ‘все’, для личных имён ДОМ не допускают. В докладе я подробнее рассмотрю маркирование прямого дополнения в указанных случаях и предложу объяснение для различия между модальными операторами.

Литература

- Сердобольская, Толдова 2012 — *Н. В. Сердобольская, С. Ю. Толдова. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках // Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М., 2012. С. 59–142.*
- Татевосов и др. 2017 — *С. Г. Татевосов, Е. А. Лютикова, А. А. Бонч-Осмоловская, Д. К. Привознов, А. В. Подобряев, П. В. Гращенков, А. Г. Пазельская, А. Б. Шлуинский. Элементы татарского языка в типологическом освещении. Мишарский диалект. М., 2017.*
- Baker 2014 — *M. C. Baker. Pseudo Noun Incorporation as Covert Noun Incorporation: Linearization and Crosslinguistic Variation // Language and Linguistics. Vol. 15.1. Publisher: SAGE Publications Ltd, 2014. P. 5–46.*
- Baker, Vinokurova 2010 — *M. C. Baker, N. Vinokurova. Two modalities of case assignment: case in Sakha // Natural Language & Linguistic Theory. Vol. 28.3. Publisher: Springer, 2010. P. 593–642.*
- Kornfilt 1997 — *J. Kornfilt. Turkish. Publisher: Routledge, 2010.*
- Lyutikova, Ibatullina 2015 — *E. Lyutikova, D. Ibatullina. Case theory and case variation in Tatar // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции*

- “Типология морфосинтаксических параметров 2015”. Вып. 2. М., 2015. С. 228–244.
- Lyutikova, Pereltsvaig 2015 — *E. Lyutikova, A. Pereltsvaig*. The Tatar DP // *Canadian Journal of Linguistics/Revue canadienne de linguistique*. Vol. 60.3. Publisher: Cambridge University Press, 2015. P. 289–325.
- Vinokurova 2005 — *N. Vinokurova*. Lexical Categories and Argument Structure: A Study with Reference to Sakha. Publisher: LOT, 2005.
- von Heusinger 2011 — *K. von Heusinger*. Specificity // *Semantics. An International Handbook of Natural Language Meaning*. Vol. 2. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2011. P. 1025–1058.
- von Heusinger, Kornfilt 2005 — *K. von Heusinger, J. Kornfilt*. The case of the direct object in Turkish: Semantics, syntax and morphology // *Turish Languages*. Vol. 9. 2005. P. 3–44.

**Влияние просодической позиции слова
на длительности входящих в него сегментов
в прибалтийско-финских идиомах Ингерманландии**

*М. С. Белозерова, Н. В. Кузнецова
(НИУ ВШЭ, г. Санкт-Петербург; ИЛИ РАН)*

Работа посвящена исследованию влияния просодической позиции слова на длительности входящих в него сегментов в прибалтийско-финских идиомах Западной Ингерманландии ареала Нижней Луи: курголовском ингерманландском финском, западном водском, центральном и южном нижнелужском ижорском и сибирском ижорско-финском ингерманландском идиоме. Предметом исследования являются длительности сегментов в двусложных словах, находящихся в конечной и начальной фразовых позициях, относительно которых было выдвинуто три гипотезы.

Гипотеза (а) касается компенсаторного продления предшествующего согласного при отпадении конечного гласного (далее V2), ранее отмеченного нами для части указанных идиомов в конечной фразовой позиции. Мы ожидаем наличие такого продления не только в конечной, но и в начальной фразовой позиции.

Гипотеза (б) описывает наши ожидания, сформулированные на основе исследований финского и эстонского языков, родственных данным идиомам, относительно прогрессивного фонетического продления сегментов в конечной фразовой позиции, по сравнению с начальной позицией. Мы ожидаем прогрессивное (от правой

границы слова влево) продление сегментов в конечной фразовой позиции, по сравнению с начальной фразовой позицией.

Гипотеза (в) описывает взаимодействие двух процессов: компенсаторного продления сегментов при отпадении V2 и финального фразового продления. Мы ожидаем, что в конечной фразовой позиции компенсаторное продление сегментов будет выражено сильнее, чем в начальной.

Для проверки гипотез мы измерили в Praat и проанализировали длительности всех¹ сегментов двусложных слов, находящихся в начальной и конечной фразовой позиции (3886 произнесений), в речи шести информантов и исследовали их методами смешанной линейной регрессии в R.

Гипотеза (а), касающаяся компенсаторного продления сегментов, подтвердилась для южного нижнелужского ижорского идиома для обеих фразовых позиций и для сибирского смешанного ижорско-финского ингерманландского идиома только относительно конечной позиции (результат для начальной позиции в этом идиоме не является надежным по причине крайне малого числа случаев сохранения V2 в этой позиции), см. Рис. 1.

Гипотеза (б) о наличии финального фразового продления частично подтвердилась для всех идиомов, кроме центрального нижнелужского. При этом продление оказалось не полностью прогрессивным. У центрально-нижнелужской информантки не было выявлено большой разницы между длительностями сегментов в начальной и конечной фразовых позициях (см. Таблицу 1).

Гипотеза (в) о взаимодействии компенсаторного продления C2 с финальным фразовым продлением подтвердилась на материале южного нижнелужского ижорского идиома и сибирского ингерманландского идиома (см. Таблицу 2). На основе полученных результатов, можно сделать вывод, что компенсаторное продление взаимодействует с процессом финального фразового продления сегментов, согласно нашим ожиданиям.

¹ За исключением начального согласного (C1), который по ряду причин не рассматривался.

Рисунок 1.

Средняя квадратичная длительность C2 при сохранившемся vs. отпавшем V2 в начальной vs. конечной фразовой позиции у ND, AU, PS (в мс)¹

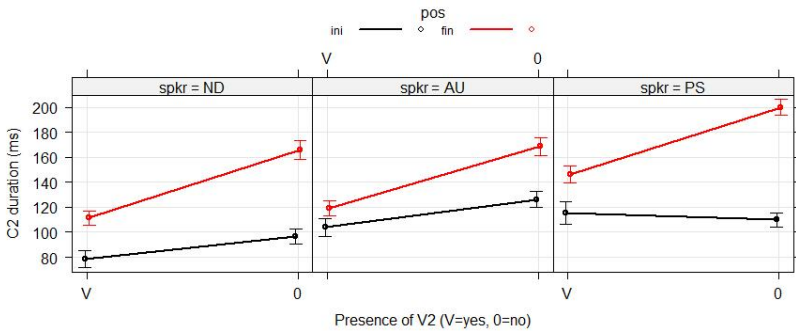

Таблица 1.

Абсолютное и пропорциональное продление сегментов в конечной фразовой позиции по сравнению с начальной позицией у всех информантов

Абсолютное продление сегментов (в мс)				
Информант	V1	C2x	C2	V2
PK	18,34	29,02	38,42	19,8
MO	20,53	22	35,76	38,5
PF	-28	1,4	8,4	15,2
ND	5,77	19,67	37,87	18,7 ²

¹ Условные обозначения информантов (носителей указанных далее идиомов) на рисунке и в таблицах: ND, AU — южный нижнелужский ижорский; PS — сибирский смешанный ижорско-финский ингерманландский; ; MO — курголовский ингерманландский финский; PF — центральный нижнелужский ижорский; PK — западный водский; Прочие обозначения: C2 duration (ms) — длительность начального согласного второго слога в мс; ini — начальная фразовая позиция; fin — конечная фразовая позиция; spkr — информант; Presence of V2 — наличие/отсутствие V2; V — наличие V2; 0 — отсутствие V2.

² На материале ND, AU и PS мы не анализировали финальное фразовое продление V2, поскольку в этих идиомах наблюдается высокий процент отпадения конечного гласного, и в наших материалах представлено значительно меньше данных с сохранившимся V2, чем данных по другим сегментам в словоформе. Если в случае ND, AU и PS опустить данные по V2 и принимать в расчет только V1, C2x и C2, то можно сказать, что в этих идиомах представлено прогрессивное финальное фразовое продление, т. к. C2 и C2x у информантов продлеваются значительно сильнее, чем V1.

AU	8,57	21,24	21,47	16,9
PS	6,78	20,96	64,24	12,1
Пропорциональное продление сегментов (в %)				
Информант	V1	C2x	C2	V2
PK	12,2	36,5	44,1	28,7
MO	18,1	30,4	51,6	61,8
PF	-12,7	1,3	9,8	19,1
ND	4,1	24,6	42,0	32,4
AU	5,9	23,1	18,3	30,9
PS	4,8	21,0	58,2	19,6

Таблица 2.

Абсолютное и пропорциональное компенсаторное продление C2 при отпадении V2 в конечной vs. начальной фразовой позиции у ND, AU и PS

Информант	Фразовая позиция	Абсолютное продление C2 (в мс)	Пропорциональное продление C2 (в %)
ND	начальная	18,2	23,2
	конечная	54,5	49,0
AU	начальная	22,4	21,6
	конечная	49,1	41,1
PS	начальная ¹	-5,9	-5,1
	конечная	53,7	36,8

Литература

- Asu E. L. et al. 2009 — The realization of Estonian quantity characteristics in spontaneous speech // Nordic prosody: Proceedings of the Xth conference, Helsinki 2008 / ed. M. Vainio, R. Aulanko, O. Aaltonen. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2009. P. 49–56.
- Eek A., Meister E. Foneetilisi katseid ja arutlusi kvantiteedi alalt (I). Häälikukestusi muutvad kontekstid ja välde // Keel ja Kirjandus. 2003. Vol. 11; 12. P. 815–837; 904–918.

¹ Строка затенена серым, т.к. результаты в данном случае не являются надежными из-за малого количества произнесений с полным V2.

- Krull D. Prepausal lengthening in Estonian: evidence from conversational speech // Estonian prosody: Papers from a symposium: International Symposium on Estonian Prosody, Tallinn, Estonia, October 29–30, 1996: Proceedings / ed. I. Lehiste, J. Ross. Tallinn: Institute of Estonian language, 1997. P. 136–148.
- Nakai S. et al. Utterance-final lengthening and quantity in Northern Finnish // Journal of Phonetics. 2009. Vol. 37. № 1. P. 29–45.
- Nakai S. et al. Quantity constraints on the temporal implementation of phrasal prosody in Northern Finnish // Journal of Phonetics. 2012. Vol. 40. № 6. P. 796–807.
- Plüschke M. Peak alignment in Estonian. Ph.D. dissertation, München, Ludwig-Maximilians-Universität München, 2013.

Нефинитная глагольная форма на -et в кильдинском саамском: причастие или отглагольное существительное?

Д. А. Буров

(МГУ им. М. В. Ломоносова)

Настоящее исследование посвящено статусу нефинитной глагольной формы на *-et* в кильдинском саамском языке, в частности в сравнении с другой продуктивной номинализацией. В работе используются преимущественно данные элицитации в поле (2022).

Нефинитная форма на *-et* восходит к прасаамскому суффиксу имени действия [Koronen 2022]. Когнаты этой формы выполняют разные функции в разных саамских языках: в южносаамском [Ylikoski 2022a] и луле-саамском [Ylikoski 2022b] они употребляются исключительно как имена действия; в инари-саамском [Valtonen, Ylikoski, Aikio 2022] аналогичная форма также совпадает с агентным пассивным причастием, в колтта-саамском [Koronen, Miestamo, Juutinen 2022] — также с причастием прошедшего времени, с помощью которого образуются формы аналитических времён.

В кильдинском саамском эта форма традиционно описывалась как имя действия [Керт 1971, Куруч 2006], однако в более поздних работах начинает называться причастием и описываться исключительно как приименной модификатор [Rießler 2022]. Ей можно противопоставить форму на *-mišš*, отличающуюся по ряду свойств и однозначно трактуемую как номинализация.

Прямой объект при форме на *-em* маркируется аккузативом, агенс или единственный аргумент глагола — генитивом:

- (1) *m'in* *koopřč-em* *baal'* *muur'j-et'*
 мы.GEN собирать-ЕМ во_время ягода-ACC.PL

n'ijjt *loavvl-en'*
 девушка.NOM.PL петь-PST.3PL

‘Пока мы собирали ягоды, девушки пели’.

- (2) *sonn* *čín-e* *saj-et'* *paarrn-e*
 он(а).NOM чинить-PST.3SG место-ACC.PL ребёнок-GEN.PL

vued'd'-em *vuejke*
 спать-ЕМ для

‘Он подготовил места детям для сна’.

Так же кодируются и аргументы при номинализации на *-mušš*:

- (3) *kaallas* *saarrn-mušš*
 мужчина.GEN.PL говорить-NMLZ.NOM.SG

‘мужской разговор’

- (4) *kuumpr-et'* *koppč-mušš* *ujjt-e*
 гриб-ACC.PL собирать-NMLZ.NOM.SG уйти-3SG.PST

oottpr *p'aajjv-a*
 целый день-DAT.SG

‘Он ушёл собирать грибы на весь день’ (Egorov, Sergienko 2022: 6)¹.

Форма на *-em*, как и номинализация на *-mušš*, может маркироваться падежными показателями:

- (5) *kuul'* *šil'l'-em=axta* / *šill-muž=axta*
 рыба.ACC.SG ловить-ЕМ=ABE / ловить-NMLZ.GEN.SG=ABE

son'n'-e *l'aajj* *n'ues's*
 он(а)-DAT быть.PST.3SG плохо

‘Без рыбалки ему было плохо’.

¹ Перевод на русский автора тезисов.

- (6) *sonn* *vuajjeht-e* *saarrn-muž*
он(а).NOM забыть-PST.3SG говорить-NMLZ.ACC.SG
- maŋŋa* *kuul'* *šil'l'-m-es' / šill-muž-es'*
после рыба.ACC.SG ловить-EM-LOC/ловить-NMLZ-LOC.SG

‘Он забыл о разговоре после рыбалки’.

В отличие от номинализации на *-mušš*, форма на *-em* не может выступать в качестве подлежащего и прямого дополнения:

- (7a) *janda* *l'aqjj* *š'iig* *muur'j*
вчера быть.PST.3SG хороший ягода.ACC.SG
- uss-mušš/*uss-em*
собирать-NMLZ.NOM.SG/собирать-EM

‘Вчера был хороший сбор ягод’.

- (7b) *sonn* *toajjv* *muššt-el* *kuul'*
он(а) часто вспоминать-PST.3SG рыба.ACC.SG
- šill-muž /* **šil'l'-em*
ловить-NMLZ.ACC.SG / ловить-EM

‘Она часто вспоминала о рыбалке’.

Номинализация на *-mušš*, в свою очередь, может встречаться почти во всех позициях, где встречается форма на *-em* (5–6). Единственное исключение — позиция определения имени, где допустима только форма на *-em*:

- (8) *kuul'* *čaal'l'-em /* **čaall-muž*
рыба.ACC.SG разделять-EM / разделять-NMLZ.GEN.SG
- nijjp*
нож.NOM.SG

‘Нож для разделки рыбы’.

Опираясь на эти, а также на некоторые другие данные (порядок слов в группе рассматриваемой формы, возможность модификации прилагательным и др.), можно сказать, что и форма на *-em*, и номинализация на *-mušš* имеют как именные, так и глагольные

свойства, при этом происходит разграничение двух этих форм. Форма на -em демонстрирует меньше именных свойств.

Список условных сокращений

3 — 3-е лицо; ABE — абессив, ACC — винительный падеж, DAT — дательный падеж, GEN — родительный падеж, LOC — местный падеж; NMLZ — номинализация, NOM — именительный падеж, PL — множественное число, PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Egorov, Sergienko 2022 — *I. M. Egorov, A. A. Sergienko. Syncretism in Kildin Saami Substantive Inflecton: Nanosyntactic Approach*, in print, 2022.
- Koponen 2022 — *E. Koponen. Saami* // Bakró-Nagy M., Laakso J., Skribnik E. (ed.). *The Oxford Guide to the Uralic Languages*, Oxford University Press, 2022. P. 110
- Koponen, Miestamo, and Juutinen 2022 — *E. Koponen, M. Miestamo, and M. Juutinen. Skolt Saami* // Bakró-Nagy M., Laakso J., Skribnik E. (ed.). *The Oxford Guide to the Uralic Languages*, Oxford University Press, 2022. P. 210
- Rießler 2022 — *M. Rießler. Kildin Saami* // Bakró-Nagy M., Laakso J., Skribnik E. (ed.). *The Oxford Guide to the Uralic Languages*, Oxford University Press, 2022. P. 230
- Valtonen, Ylikoski, Aikio 2022 — *T. Valtonen, J. Ylikoski, and Luobbal Sámmol Sámmol Ánte (Ante Aikio). Aanaar (Inari) Saami* // Bakró-Nagy M., Laakso J., Skribnik E. (ed.). *The Oxford Guide to the Uralic Languages*, Oxford University Press, 2022. P. 190–191
- Ylikoski 2022a — *J. Ylikoski. South Saami* // Bakró-Nagy M., Laakso J., Skribnik E. (ed.). *The Oxford Guide to the Uralic Languages*, Oxford University Press, 2022. P. 124
- Ylikoski 2022b — *J. Ylikoski. Lule Saami* // Bakró-Nagy M., Laakso J., Skribnik E. (ed.). *The Oxford Guide to the Uralic Languages*, Oxford University Press, 2022. P. 142
- Керт 1971 — *Г. М. Керт. Саамский язык (кильдинский диалект)*, Ленинград: Наука, 1971. С. 206–207
- Куруч 1985 — *Р. Д. Куруч. Краткий грамматический очерк саамского языка*, Апатиты, 2006. С. 39–40

Сколько языков в России?

Е.В. Головки

(ИЛИ РАН, Европейский университет в Санкт-Петербурге)

В разных источниках представлены разные точки зрения относительно того, сколько языков представлено в РФ. Причина разноречия в цифрах (от 130 до 200) заключается в том, что подсчетом, как правило, занимаются лингвисты, полагающиеся на «точные» (лингвистические) методы. В докладе представлен критический анализ применяемых методов подсчета языков.

Представляется уместным обратиться к опыту культурной антропологии. В последние десятилетия антропологам удалось убедительно продемонстрировать (см., например: Dominique Arel), что существование такого инструмента пересчета «народов», как переписи населения, представляет собой всего лишь попытку применения достаточно примитивных статистических методов к субстанции, которая принципиально не поддается такому пересчету: невозможно пересчитать пальцем, поштучно культурные идентичности (к которым относится и этническая самоидентификация). Культурные идентичности многомерны, изменчивы, они всегда тесным образом связаны с текущим социальным контекстом, они постоянно конструируются в процессе взаимодействия с другими группами. Поэтому обречены на неудачу попытки исследователей, основанные на выработанных ими самими формальных критериях, объяснить людям, к какой этнической группе они «на самом деле» принадлежат (применительно к Советскому Союзу эта проблематика подробно описана в работах Francine Hirsch). Да, переписи населения в свое время стали неотъемлемой частью социально-политической жизни почти любой страны и их результаты уже невозможно не учитывать, поскольку они уже известны респондентам и стали частью дискурса (респонденты, будучи практичными людьми, всегда готовы использовать результаты переписей, если это сулит выгоду – и на уровне отдельных индивидов, и на уровне общественно-политическом). Однако это не значит, что переписи являются научным инструментом и с опорой на них можно строить научные исследования идентичности (разве что только для того, чтобы узнать, как люди используют результаты переписей). Они нужны государству для сугубо практических целей: поддержки (или в каких-то случаях подавления) определенных групп населения, распределения привилегий, льгот, финансов и т.п.

Поскольку язык — часть культурной идентичности (а не просто «система», «структура», некая единица — это только одна сторона дела), будет естественным предположить, что «точные» методы (статистические и чисто лингвистические) точно так же не подходят для пересчета языковых идентичностей, как переписи для учета этнических идентичностей. Естественное желание лингвистов довести до совершенства точные лингвистические методы и наконец узнать, сколько же языков существует на свете, не может привести к достоверным научным результатам. Это заставляет думать о смене используемых методов, а именно об отказе от структурно-лингвистических методов в пользу классических этнографических методов (наблюдение, интервью). То есть, другими словами, об отказе от количественных методов в пользу качественных. Если говорить о *научном* исследовании, то представляется, что альтернативы здесь нет. При этом мы должны отдавать себе отчет, что государство все равно потребует сугубой точности (для практических целей — см. выше). Как это почти всегда происходит, ученые требуются государству, чтобы, так сказать, освятить принимаемые им социально-экономические меры. При этом опыт показывает, что, если какие-то предложения от «науки» государство не устраивают, они просто игнорируются.

Автор далек от мысли, что высказанные выше соображения могут изменить доминирующий в России подход к пересчету языков. Единственная надежда сводится к тому, что «статистические» результаты (точно так же, как это имеет место в случае с переписями населения) не будут использоваться в научных исследованиях, в то время как для практических целей (конкретные меры государственной поддержки) полученные данные могут пригодиться.

**Провербы ландшафтной ориентации
в севернохантыйском и северномансийском языках**
Н. К. Гришин, Д. О. Жорник, А. А. Козлов, В. С. Харитонов
(НИУ ВШЭ; ИЯз РАН; НИУ ВШЭ, ИЯз РАН; ИЯз РАН)

Настоящий доклад посвящен провербам ландшафтной ориентации в севернохантыйском и северномансийском языках. Данные севернохантыйского языка собраны в результате элицитации в экспедиции селе Казым Белоярского района ХМАО. Данные северномансийского языка взяты из текстов, собранных

В. Н. Чернецовым на Верхней Сосьве и Верхней Лозьве в 1930-е годы.

Превербы в обско-угорских языках — это морфемы, которые присоединяются ко глаголам с семантическим компонентом перемещения (в абсолютном большинстве случаев предшествуя им) и вносят информацию о пространственном положении одного из актантов глагола (ср. определение П. М. Аркадьева [Аркадьев 2015: 17]). Исследуемые единицы в грамматиках хантыйского и мансийского языка [Каксин 2007; Ромбандеева 1973] описываются как превербы, хотя вопрос о их морфосинтаксических отличиях от пространственных наречий остаётся открытым.

Наш доклад посвящён моделям полисемии севернохантыйских превербов *nik* и *witi* и северномансийским превербам *naluw* и *paу*.

Преверб *nik* (гlossируемый нами как FLUM — флюминитив) имеет следующие интерпретации:

- ‘к воде’ (к реке или к озеру) (1) ;
- ‘дальше от берега’ (если Тема перемещения уже в воде);
- ‘на очаг / на печку’ (в чуме) (2)
- ‘на печку / к выходу’ (в доме)
- ‘из более «глухого» в более «цивилизованное» место (из леса к жилию, со стойбища в посёлок, из маленького посёлка в центр сельсовета и т. д.)’ (3)
- ‘к краю поверхности’ (4);
- ‘в сторону отверстия из глубины контейнера’.

- (1) *min* *nik* *lowəł-s-əman*
мы.DU FLUM грести-PST-1DU

‘Мы погребли от берега’.

- (2) *šajput-en* *nik* *oms-e*
чайник-POSS.2SG FLUM сесть-IMP.SG>SG

‘Поставь чайник на печку’.

- (3) *lor* *woš* *ewəłt* *nik* *juχətsəman*
озеро деревня из FLUM прийти-PST-1DU

‘Из Нумто (букв. «озерной деревни») приехали в Казым (в центр сельского поселения)’.

- (4) *ew-en* *ān* *juχət-λ*,
 девочка-POSS.2SG NEG прийти-NPST[3SG]

an-en *nik=šək* *χătəλt-e*
 чашка-POSS.2SG FLUM-ATT двигать-IMP.SG>SG

‘Девочке не достать, блюдце {с солью} подвинь ближе к краю стола.’

Преверб *wnti* (гlossируемый нами как LIT — литоратив) является антонимом преверба *nik* и имеет интерпретации, обратные вышеперечисленным.

- (6) *min* *wnti* *lowəλ-s-əman*
 мы.DU LIT грести-PST-1DU

‘Мы погребли к берегу’.

- (7) *belajar* *ewəλt* *wnti* *juχət-s-əman*
 Белоярский из LIT прийти-PST-1DU

‘Из Белоярского в поселок приехали’.

Северноансийский преверб *naluw* имеет набор интерпретаций, похожий на севернохантыйский *nik* (8–9), его антонимом точно так же, как хантыйский *wnti*, является *paу*.

- (8) *tuwəl* *janiу* *pot* *naluw* *taуat-as*
 потом большой котёл FLUM повесить-PST[3SG]

‘Потом большой котёл на огонь повесила’.

- (9) *man’* *χap-e* *nox*
 маленький лодка-POSS.3SG наверх

unt-t-iуp-as-t-e *naluw*
 сесть-TR-ASP-PST-SG.O-3SG.S FLUM

nar-əуt-as-t-e *tup-e*
 толкнуть-ASP-PST-SG.O-3SG.S весло-POSS.3SG

alm-aj-as
 поднять-ASP-PST[3SG]

‘Маленькую свою лодку поставил, в воду толкнул, весло поднял’.

Эти превербы мы и называем превербными ландшафтной ориентации.

Эти близкие по значению лексемы не являются попарно когнатами. Следует сделать вывод, что схожий набор значений является результатом ареального влияния (согласно гипотезе З. П. Соколовой (2009), северномансийский язык образовался в результате ассимиляции мигрировавшими на запад манси хантыязычного населения левых притоков Оби).

При этом, по-видимому, исследуемые превербные в севернохантыйском и северномансийском языках ведут себя, с одной стороны, чрезвычайно похоже, а с другой — все-таки неодинаково. В докладе мы сравним антонимичные пары превербов ландшафтной ориентации по следующим параметрам:

- точный набор интерпретаций у самих превербов;
- точный набор интерпретаций у образованных от них наречий со значением направления
- грамматикализация в качестве чистовидовых (телисизирующих) превербов при отдельных глагольных основах;
- фразеологизация.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — лица, ASP — аспектальный показатель, DU — двойственное число, FLUM — флюминитив, LIT — литоратив, NPST — непрошедшее время, PST — прошедшее время, SG — единственное число, TR — транзитив.

Литература

- Аркадьев 2015 — П. М. Аркадьев. Ареальная типология префиксального перфектива (на материале языков Европы и Кавказа). М.: Языки славянской культуры, 2015.
- Каксин 2007 — А. Д. Каксин. Казымский диалект хантыйского языка. — Ханты-Мансийск: «Полиграфист», 2007.
- Соколова 2009 — З. П. Соколова. Ханты и манси: взгляд из XXI века. М.: «Наука», 2009.
- Ромбандеева 1973 — Е. А. Ромбандеева. Мансийский (вогульский) язык. М.: «Наука», 1973.

**Классификация кумыкских глаголов
в терминах аргументно-событийной структуры
(на материале терского диалекта)**

А. И. Груздева,

А. В. Алхазова, А. С. Головнина, Р. Р. Насырова, Ф. А. Садковский

(ИЯз РАН, МГУ имени М. В. Ломоносова;

МГУ имени М. В. Ломоносова)

Доклад посвящён семантической структуре глаголов в терском диалекте кумыкского языка. Материалом для исследования послужила глагольная база данных, собранная авторами исследования в ходе экспедиции в с. Предгорное Республики Северная Осетия — Алания в августе 2022 г. Целью исследования была классификация выборки из 58 глаголов.

В основе классификации лежат три семантических параметра: стативность/динамичность, степень агентивности, наличие и тип результирующего состояния (аналогичным образом была составлена классификация глаголов баргузинского диалекта бурятского языка в [Татевосов и др. (в печати)]). Кроме того, каждому глаголу была приписана соответствующая акциональная характеристика.

Акциональная классификация основывается на [Татевосов 2010], опираясь на поведение предикатов в имперфективном и перфективном контекстах. В качестве имперфективного контекста мы использовали показатель настоящего времени *-A/-j*, в качестве перфективного — показатель так называемого прошедшего категорического (по [Гаджихмедов 2014]) времени *-dI*. Для каждого из этих двух основных видо-временных контекстов было определено множество акциональных значений, которые способны в них проявляться. Набор возможных акциональных значений состоит из 6 опций — это неопредельные значения *S* (состояние), *P* (процесс), *MP* (мультипликативный процесс) и предельные *ES* (вхождение в состояние), *EP* (вхождение в процесс), *EMP* (вхождение в мультипликативный процесс).

Те глаголы, в акциональной характеристике которых присутствует акциональное значение *S*, называются стативными. Стативным глаголом, к примеру, является *ухламакъ* 'спать', имеющий акциональную характеристику $\langle ES\ S, S \rangle$ (такая запись означает, что в перфективном контексте возможны значения вхождения в состояние и состояния, а в имперфективном — только значение состояния).

Остальные глаголы (динамические в терминологии [ССиСГ 2006]) делятся на агентивные и неагентивные. Агентивные глаголы

описывают контролируемую ситуацию и сочетаются с агентивно-ориентированными модификаторами. Сочетаемость с модификаторами *алгъасан* 'второпях', *билмей* 'нечаянно', с целевыми оборотами, а также возможность образовать императив со значением просьбы или приказа послужили критериями для разграничения агентивных и неагентивных глаголов. Неагентивен, к примеру, кумыкский глагол *оьлмек* 'умирать':

- (1a) **Салих бил-ме-й оьл-ди*
 Салих знать-NEG-CNV умирать-PST
Int.: 'Салих нечаянно умер'.

- (1b) **Оьл!*
 умирать.IMP
Int.: 'Умри!' (как приказ).

Среди агентивных выделяются слабо-агентивные, допускающие Эффектора в качестве субъекта (2), и сильно-агентивные, допускающие только участника с ролью Агенса (3):

- (2a) *Мустафа эшик-ни ач-ды*
 Мустафа.NOM дверь-ACC открывать-PST
 'Мустафа открыл дверь'.

- (2b) *ел эшик-ни ач-ды*
 ветер.NOM дверь-ACC открывать-PST
 'Ветер открыл дверь'.

- (3a) *Хабиб кинишке-ни полка-дан ал-ды*
 Хабиб.NOM книга-ACC полка-ABL снимать-PST
 'Хабиб снял книгу с полки'.

- (3b) **ел кьалкъы-ны ал-ды*
 ветер.NOM крыша-ACC снимать-PST
Int.: 'Ветер снял крышу'.

Кроме того, динамические глаголы различаются между собой наличием/отсутствием результирующего состояния. Тестом на этот параметр служат примеры с отрицанием и наречием *янгыдан* 'снова'. Глаголы с результирующим состоянием имеют по две интерпретации в таких предложениях: в первой в сферу действия отрицания или наречия входит вся ситуация (4a.1, 4b.1), обозначаемая предикатом, а во второй — только её результирующее

состояние (4a.2, 4b.2). Глаголы без результирующего состояния мы называем процессами (5).

- (4a) *Умар шорпа аша-ма-ды*
 Умар.NOM суп.ACC есть-NEG-PST
 1. ‘Умар не ел суп (даже не прикасался к нему)’.
 2. ‘Умар не съел суп (ел, но не доел)’.

- (4b) *Заур янгъыдан чорпа аша-ды*
 Заур.NOM снова суп.ACC есть-PST
 1. ‘(Заур ранее поел суп, и теперь) Заур снова поел суп’.
 2. ‘(До этого Умар поел суп, после этого) Заур опять поел суп’.

- (5a) *Мурат хурылла-ма-ды*
 Мурат.NOM храпеть-NEG-PST
 ‘Мурат не храпел’.
 * ‘Мурат храпел, но не нахрапелся’.

- (5b) *Мурат янгъыдан хурылла-ды*
 Мурат.NOM снова храпеть-PST
 ‘Мурат снова захрапел (он до этого храпел и перестал)’.
 * ‘Мурат опять захрапел (до этого храпел Керим, не Мурат)’.

Среди глаголов с результирующим состоянием, по примеру [Levin, Rappaport-Hovav 1998], мы выделяем глаголы способа и глаголы результата. В качестве критерия для их разграничения была выбрана способность предиката опустить прямое дополнение без ущерба для смысловой полноты высказывания, которой обладают только глаголы способа (6).

- (6a). *Умар шорпа аша-ды*
 Умар.NOM суп.ACC есть-PST
 ‘Умар поел суп’.

- (6b) *Умар аша-ды*
 Умар.NOM есть-PST
 ‘Умар поел’.

В докладе мы подробнее проиллюстрируем описанные тесты языковым материалом и представим результаты классификации.

Литература

- Гаджихмедов 2014 — *Абдуллаева А. З., Гаджихмедов Н. Э., Кадыраджиев К. С., Керимов И. А., Ольмесов Н. Х., Хангишиев Д. М.* Современный кумыкский язык. — Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук, 2014.
- ССиСГ 2006 — *Лютикова Е. А., Татевосов С. Г., Иванов М. Ю., Шлуинский А. Б., Пазельская А. Г.* Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. — Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, 2006.
- Татевосов 2010 — *Татевосов С. Г.* Акциональность в лексике и грамматике //Дисс. на соискание ученой степени доктора филологических наук. МГУ, М. — 2010.
- Татевосов и др., в печати — *С. Г. Татевосов* и др. (ред.). Элементы бурятского языка в типологическом освещении. Баргузинский диалект. В печати.
- Levin, Rappaport-Hovav 1998 — *Rappaport Hovav M., Levin B.* Building verb meanings //The projection of arguments: Lexical and compositional factors. — 1998. — С. 97–134.

Звукоподражания в нивхском языке

Е. Ю. Груздева
(University of Helsinki)

В докладе обсуждаются семантические, деривационные и морфосинтаксические свойства звукоподражательных слов в нивхском языке, на котором говорят в низовьях Амура и на острове Сахалин на Дальнем Востоке России. В нивхологии звукоподражания традиционно трактуются как подкласс идеофонов (образных слов), которые передают ощущения, основанные не только на слуховом восприятии, но и на зрительном, тактильном или интеллектуальном опыте.

Наиболее обширное исследование идеофонов на материале амурского варианта нивхского языка было предложено в работе [Панфилов 1965: 15, 197–205]. Различные свойства идеофонов

(2) *cʰamŋ* *qoχ qoχ* *ha-ř* *cʰe-d*
орел имитация_голоса_орла делать так-CVB_NAR.3SG петь-IND
‘Орел кричит *qoχ qoχ*’ [Груздева 2000:4:22] [C].

В целом звукоподражания представляют собой маргинальный и неустойчивый, но относительно многочисленный класс слов, отличающийся от остального словарного состава на всех языковых уровнях. Характерные для них морфосинтаксические особенности включают невозможность сочетания с какими-либо аффиксами или клитиками и относительно обособленное положение в структуре предложения. С другой стороны, звукоподражания служат источником глагольной и именной деривации, используя стандартные стратегии словообразования. Как и во многих других языках, звукоподражание можно охарактеризовать как языковую черту, находящуюся на периферии нивхской языковой системы.

Литература и источники

- Груздева 2000 — Груздева Е. Полевые материалы по нивхскому языку. 2000.
- Крейнович 1973 — Крейнович Е. А. Нивхи. Загадочные обитатели Сахалина и Амура. М.: Наука, 1973.
- Крейнович 1979 — Крейнович Е. А. Нивхский язык // Языки Азии и Африки III. Языки древней передней Азии (несемитские). Иберийско-кавказские языки. Палеоазиатские языки. М.: Наука, 1979. С. 295–329.
- Отаина 1978 — Отаина Г. А. Качественные глаголы в нивхском языке. М.: Наука, 1978.
- Панфилов 1965 — Панфилов В. З. Грамматика нивхского языка. Часть 2. М., Л.: Наука, 1965.
- Савельева, Таксами 1970 — Савельева В. Н., Таксами Ч. М. Нивхско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1970.
- Gruzdeva 1997 — Gruzdeva E. Plurality of situations in Nivkh. // Viktor S. Xrakovskij (ed.), Typology of Iterative Constructions (LINCOM Studies in Theoretical Linguistics 4). München; Newcastle: LINCOM Europa, 1997. P. 164–185.
- Gruzdeva 1998 — Gruzdeva E. Nivkh. (Languages of the World: Materials 111). München; Newcastle: LINCOM Europa, 1998.
- Jakobson 1971 — Jakobson R. Notes on Gilyak. In Roman Jakobson, Selected Writings II. The Hague: Mouton, 1971. P. 72–97.
- Nedjalkov, Otaina 2013 — Nedjalkov V., Otaina G. A Syntax of the Nivkh language. The Amur dialect. Ed. by Emma Š. Geniušienė &

**Твой, его или ничей:
посессивные суффиксы в нганасанском языке**

*В. Ю. Гусев
(ИЯз РАН, Universität Hamburg)*

Уральские языки известны широким использованием посессивных суффиксов, далеко выходящим за рамки маркирования собственно посессивности; этой теме посвящено немало работ. В большинстве уральских языков такое расширенное употребление характерно для показателя 3-го лица единственного числа, но в некоторых это верно и для 2-го лица ед. ч.; см., например, обзорную статью [Nikolaeva 2003] и множество других работ. Из самодийских языков для ненецкого и энецкого такие употребления описывались несколько более подробно [Nikolaeva 2014: 68–72, Siegl 2015]. В докладе будет представлен обзор этих употреблений в нганасанском языке на материале корпуса текстов [Brykina et al. 2018].

Необходимо сразу отделить те употребления, которые маркируют связь предмета с неким, обычно одушевленным, субъектом. Как и в европейских языках эта связь не ограничивается собственно принадлежностью, но спектр возможных употреблений шире, чем в европейских языках, в частности чем в русском, что иногда заставляет в описаниях выделять отдельное значение «ассоциативной связи». Тем не менее, кажется, что разница с европейскими языками здесь скорее количественная, чем качественная. Как бы то ни было, суффиксы при таких «посессивно-ассоциативных» употреблениях могут быть в любом лице и числе, и в близком контексте присутствует субъект соответствующего лица и числа, на который суффикс указывает.

Помимо этих употреблений, есть множество примеров с посессивными суффиксами 2 л. ед. ч. и 3 л. ед. ч. (тут другие лично-числовые комбинации невозможны), которые невозможно соотнести ни с каким «посессором» в контексте или с числом собеседников, ср. примеры:

- (1) *Tahar'aa bəjkunaŋku-rə təti tənda ɲili-li-ʔi-δə*
теперь старик-2SG тот туда жить-inch-PF-3SG.R
'Теперь старик стал там жить' («твой старик» — персонаж текста).

- (2) *Naagəiʔ taharʼabə kitʼəḍəə-ḍi masau-tu*
 хорошо теперь луна-3SG быть.полной-PRAES
 ‘Сейчас полнолуние’ («его луна полная»).

Именно этот второй класс употреблений кажется наиболее загадочным. Известно, что так маркироваться может только топиальный (идентифицируемый, определенный) референт; поэтому, в частности, посессивный суффикс не может употребляться при первом упоминании в нарративе. Однако ни топиальность, ни определенность не предсказывают ни лицо, ни само наличие посессивного суффикса. Полные правила выбора одной из трех опций сформулировать не удастся, но на некоторые закономерности можно указать.

1. Посессивные аффиксы в непосессивной функции употребляются практически исключительно на субъекте. Исключением являются указательные местоимения, которые без посессивных суффиксов независимо не употребляются.

2. 2-м лицом маркируется топик той предикации, которая находится в центре внимания; 3-е лицо используется для субъекта фоновых событий. Типично употребление суффикса 3-го лица для природных явлений (солнца, луны, ветра, снега и пр.), при этом необязательно, чтобы они упоминались ранее. Ср. примеры (2) и (3): в (1) описывается природа как фон для других событий, в (2) рассказчик, попавший в горы, говорит о своих впечатлениях:

- (3) *Təgətə taharʼabə təti hiijhiʔ, kitʼəḍəə-rə hotədʼii-tʼə*
 потом теперь тот вечером луна-2SG звезда-PL.2SG

tʼetʼa nogəlʼikaʔ-ku-ʔ

очень близкий-DIM-PL

‘Вечером луна и звёзды (кажутся) очень близко’.

3. Нарративы очень сильно различаются в том, что касается выбора между наличием и отсутствием посессива 2-го л. ед. ч.: очевидно, его употребление в значительной степени зависит от желания и стиля рассказчика. Кажется, однако, что частота его употребления коррелирует с ситуацией записи: она выше в ситуации традиционного рассказа со слушателями-нганасанами и ниже в ситуации «начитывания» текста в присутствии лишь исследователей.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо, ACC — аккузатив, CN — коннегатив, DIM — диминутив, DU — двойственное число, INFER — инференциал, INCH — инхотатив, INTERR — интеррогатив, NEG — отрицательный глагол, O — объектное спряжение, PF — перфект, PL — множественное число, PRAES — настоящее время, PTCL — частица, R — рефлексивное спряжение, RES — результатив, S — субъектное спряжение, SG — единственное число.

Литература

- Brykina 2018 — *Brykina, Maria, Valentin Gusev, Sándor Szeverényi, Beáta Wagner-Nagy*. Nganasan Spoken Language Corpus (NSLC). Archived in Hamburger Zentrum für Sprachkorpora. Version 0.2. Publication date 2018-06-12. <http://hdl.handle.net/11022/0000-0007-C6F2-8>.
- Nikolaeva 2003 — *Nikolaeva, Irina*. Possessive affixes in the pragmatic structuring of the utterance: evidence from Uralic // International symposium on deictic systems and quantification in languages spoken in Europe and North and Central Asia. Iževsk, 2003: 130–145.
- Nikolaeva 2014 — *Nikolaeva, Irina*. A grammar of Tundra Nenets. Berlin, Boston: Mouton de Gruyter, 2014.
- Siegl 2015 — *Siegl, Florian*. The structure of noun phrases with referential PX.2P in Northern Samoyedic // Tomsk Journal of linguistic and anthropological studies. 2015, 1(7): 21–31.

Глухие латералы в уральских языках: синхронная и диахроническая типология

И. М. Егоров
(РАНХuГС)

В языках северной Евразии глухие латералы относительно редки. Как независимые фонемы они представлены в уральских языках (кильдинский и йоканьгский саамский, мокшанский, некоторые хантыйские языки, лесной ненецкий), чукотском, ительменском, исландском, бретонском, валийском и в некоторых шведских диалектах (PHOIBLE, EURPhon). Цель настоящего доклада рассмотреть данные уральских языков с точки зрения

синхронной и диахронической типологии. В фокусе внимания доклада уральские языки, в которых глухие латералы являются отдельными фонемами. Это значит, что на данном этапе исследования позиционные глухие реализации /l/ в эстонском [Asu & Teras 2009] и северносаамском [Sammallahti 2019] остаются за пределами нашего внимания.

В исследовании используются полевые данные автора по кильдинскому саамскому, казымскому хантыйскому и лесному ненецкому, а также мокшанские данные, опубликованные на платформе Lingvodoc и на некоторых других открытых интернет-ресурсах.

Типологическое исследование Яна Мэддисона и Карен Эмморей [1984, см. также Ladefoged & Maddieson 1996; Asu et al. 2015] показало, что для глухих латералов релевантно различие глухих аппроксимантов и глухих фрикативных. Глухие аппроксиманты имеют выраженную звонкую часть, занимающую около трети длины звука, более слабый фрикативный шум глухой части, и концентрацию шума на более низких частотах. Фрикативные являются глухими на протяжении всей длины, а сильный фрикативный шум концентрируется на более высоких частотах. Инструментальный анализ в программе Praat [Boersma & Weenink 2021] показывает, что в саамском и мокшанском представлены глухие латеральные аппроксиманты [ɭ], а в казымском хантыйском и лесном ненецком - глухие латеральные фрикативные [ɮ].

Хантыйские и лесные ненецкие глухие латералы могут встречаться в начале и конце слова, в интервокале и в составе кластеров. Они имеют минимальные фонотактические ограничения. Кильдинские саамские и мокшанские глухие латералы, напротив, имеют крайне ограниченную дистрибуцию: преимущественно встречаются как последний элемент консонантного кластера. В мокшанском это единственная возможная позиция, а в саамском отмечаются редкие примеры в конце слова и в интервокале. Аналогичную дистрибуцию в кильдинском саамском и мокшанском имеют и другие глухие сонорные.

Глухие латералы в четырех исследуемых языках развились в ходе независимых диахронических процессов. Глухие латералы в хантыйском и лесном ненецком являются результатом спонтанных (т.е. позиционно не обусловленных) фонетических переходов. Мокшанские глухие латералы - результат упрощения кластера. Потенциально они могли бы быть реинтерпретированы, как поверхностная реализация глубинного кластера, но ряд обстоятельств делает такую трактовку менее предпочтительной.

Кильдинское саамское ɫ - рефлекс $*\text{l}$ перед прасаамской геминатой. Другой - весьма неожиданный - источник кильдинского ɫ - оглушение в русизмах с конечным /l/ , ср. *киль* > *k'iil'ɫ'*. Именно такие примеры являются отправной точкой для фонологизации глухих сонорных в кильдинском саамском. Такой сценарий развития глухого латерала в мокшанском и кильдинском саамском соответствует типологически частотным сценариям возникновения глухих сонорных, рассмотренным в [Blevins 2018].

Уральские данные подтверждают релевантность фонетического противопоставления глухих латеральных аппроксимантов и фрикативных. На примере уральских языков видно, что два данных типа звуков также имеют разные фонотактические свойства и являются результатом дахронических развитий двух принципиально разных типов.

Литература

- Asu, Eva Liina, Francis Nolan & Susanne Schötz. 2015. Comparative study of Estonian Swedish voiceless laterals: are voiceless approximants fricatives? Proceedings of the 18th International Congress of Phonetic Sciences. University of Glasgow. <http://www.icphs2015.info/pdfs/Papers/ICPHS0077.pdf>.
- Asu, Eva Liina & Pire Teras. 2009. Estonian. Journal of the International Phonetic Association 39(3). 367–372. doi:10.1017/S002510030999017X.
- Blevins, Juliette. 2018. Evolutionary Phonology and the life cycle of voiceless sonorants. In Sonia Cristofaro & Fernando Zúñiga (eds.), Typological Hierarchies in Synchrony and Diachrony (Typological Studies in Language 121), PP. 29–58. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. doi:10.1075/tsl.121.01ble. <https://benjamins.com/catalog/tsl.121.01ble> (29 November, 2021).
- Boersma, Paul & David Weenink. 2021. Praat: doing phonetics by computer [Computer program]. <http://www.praat.org/>.
- Ladefoged, Peter & Ian Maddieson. 1996. The sounds of the World's languages. Oxford: Blackwell.
- Maddieson, Ian & Karen Emmorey. 1984. Is there a valid distinction between voiceless lateral approximants and fricatives? *Phonetica* (41). PP. 181–190.

**Заемствованные полипредикативные причинные показатели в
малокарачкинском диалекте чувашского языка**

*Н. М. Заика
(ИЛИ РАН)*

Двумя основными путями возникновения показателей подчинительной связи в языках мира считаются грамматикализация и заимствование, причем первый путь является более продуктивным. С одной стороны, полагается, что такие единицы хуже подвергаются заимствованию не только по сравнению с разными классами лексических единиц, но и по сравнению с предлогами и сочинительными союзами, занимая крайне низкое положение на иерархии заимствования [Dixon, Aikhenvald 2002]. С другой стороны, в последние десятилетия появляются работы, демонстрирующие достаточно большую склонность к заимствованию у показателей подчинительной связи [Grant 2012]. В частности, полипредикативные показатели с причинным значением в языках мира заимствуются активно: так, в исследовании [Zaika 2021] заимствования обнаружились в 16 языках из 100-языковой выборки. Мы рассмотрим такие показатели в малокарачкинском диалекте чувашского языка, тесно контактирующего с русским.

Чувашский язык располагает достаточно большим набором полипредикативных причинных показателей. Финитные причинные клаузы могут, в частности, вводиться показателем *mĕn-ṣĕn dezen* (что-CSL сказать-CV_ANT), нефинитные — показателями *-nĕ* (PC_PST) *pergi*, *-n-i-be* (PC_PST-P_3-INS), *-nĕ-ṣĕn* (PC_PST-CSL), *-n-i-ṣĕn* (PC_PST-P_3-CSL). Однако в языке возможны и заимствования русских причинных союзов со сложной семантикой, в частности, союза *раз*, сочетающего в себе семантику причины и условия [Пекелис 2017].

(1) *raz* *ku* *jyṣ* *ĕindze* *jĕgel-zem* *ĕiden-eṭĕ*
раз этот дерево на желудь-PL расти-PST.3PL

pol-zan *ku joman*
быть-CV_ANT этот дуб

‘Поскольку на этом дереве растут желуди, это дуб’.

Рассматриваемый показатель зафиксирован у нескольких носителей, причем даже в переводе стимулов, не содержащих соответствующих русский показатель, ср. (1). Он употребляется в «неэлементарных» причинных конструкциях, в которых между двумя пропозициями имеется невербализованный компонент типа «я делаю вывод», «я спрашиваю» и т. п., в частности, в конструкциях логического вывода (1), иллокутивных (2) и инферентивных (3) причинных конструкциях. Как и в русском языке, причина в конструкциях с рассматриваемым показателем входит в пресуппозицию.

- (2) *raz konda nimēn interesnide ɕok-tək, tebēr ɕēre*
 раз здесь ничего интересный NEG.EX-PTCL другой место-OBJ

kaja-pər

идти-1PL

‘Раз здесь нет ничего интересного, пошли в другое место!’

- (3) *raz olitee jēbe-dēk to ɕomar ɕu-za gaj-za*
 раз улица мокрый-PTCL то дождь падать-CV_SIM идти-CV_SIM
 ‘Раз улицы мокрые, прошел дождь’.

Показатель *raz*, как правило, не конкурирует с исконными чувашскими показателями, а употребляется одновременно с ними, ср. *polzan* в (1) и *-Tək* в (2) и (3), то есть, носители порождают либо примеры только с чувашским показателем, либо одновременно с чувашским и заимствованным. Но несмотря на то, что конструкции с исключительно русскими показателями носители не порождают, они признаются грамматичными.

Рассматриваемые примеры представляют типологический интерес в отношении заимствования грамматических показателей. Традиционно считается, что структурное сходство между языками облегчает заимствование грамматического материала [Campbell 1993]. Однако в случае заимствования русского показателя в чувашский язык именно структурные различия (левостороннее ветвление в чувашском языке с подчинительными показателями на правой периферии и правостороннее в русском языке с подчинительными показателями на левой периферии) позволяют обеспечить два слота, один из которых заполняется чувашским, а второй — русским показателем. Сосуществование исконной и заимствованной подчинительной стратегии уже отмечалось в языках, ср. примеры из суахили и кочабамба в [Grant 2012], однако, чувашский язык интересен тем, что в нем, в отличие от этих языков,

исконное средство выражения подчинительной связи является не морфологическим (глагольная морфология), а синтаксическим (особый показатель).

Список условных сокращений

1 — первое лицо; 3 — третье лицо; CSL — каузалис; CV_ANT — деепричастие предшествования; CV_SIM — деепричастие одновременности; NEG.EX — показатель экзистенциального отрицания; OBJ — объектный падеж; P_3 — посессив третьего лица; PC_PST — причастие прошедшего времени; PL — множественное число; PST — прошедшее время; PTCL — частица.

Литература

- Пекелис О. Е. Причинные придаточные. В. А. Плунгян, Н. М. Стойнова (отв. ред.). Материалы к корпусной грамматике русского языка. Выпуск II. Синтаксические конструкции и грамматические категории. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 55–131.
- Campbell Lyle. On proposed universals of grammatical borrowing. Henk Aertsen and Robert J. Jeffers (eds). *Historical Linguistics 1989: Papers from the 9th International Conference on Historical Linguistics. New Brunswick, 14–18 August 1989*. [Current Issues in Linguistic Theory 106]. 1993. P. 91–109.
- Dixon R. M. W., Aikhenvald Alexandra Y. Word: a typological framework. Dixon R. M. W., Aikhenvald Alexandra Y. (eds). *Word: a cross-linguistic typology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 1–41.
- Grant, Anthony P. Contact, convergence, and conjunctions: a cross-linguistic study of borrowing correlations among certain kinds of discourse, phasal adverbial, and dependent clause markers. Claudine Chamoreau, Isabelle Leglise (eds). *Dynamics of Contact-Induced Language Change*. Berlin: de Gruyter, 2012. С. 311–358.
- Zaika, Natalia M. Borrowed markers in polypredicative causal constructions. *Causal constructions in the world's languages (synchrony, diachrony, typology)*. Book of Abstracts. St. Petersburg, January 28–30, 2021. St. Petersburg, ILI RAS, 2020. P. 80–82.

**Синтаксическая вариативность зависимых клауз
модального предиката *ярай* в терском кумыкском
как следствие их субъектного статуса**

Д. Е. Касенов, А. В. Крайнова
(НИУ ВШЭ; МГУ им. М. В. Ломоносова)

Введение: Терский диалект кумыкского языка (< тюрские) обладает рядом конструкций с модальными значениями. Этот доклад посвящен семейству конструкций с модальным глаголом *ярай*, которое интересно морфосинтаксическим разнообразием вложенных клауз.

Условная клауза: Рассмотрим пример (1). В нём наблюдается зависимая клауза с показателем *-сА-*, общетюрским показателем условного наклонения. Отметим два важных свойства: синтаксическое и семантическое. Во-первых, субъект *сен* ‘ты’ находится в зависимой клаузе, что подтверждается позицией согласовательной морфологии – она находится на условной форме глагола, а не на модальном предикате *ярай*. Во-вторых, семантически такая конструкция позволяет лишь эпистемическое прочтение [Van der Auwera, Plungian 1998]. Также важно, что условная клауза не выступает здесь как протасис условного оборота, что видно из семантики.

- (1) *Сен жума сонг гюн гел-се-нг яра-й*
ты намаз после день прийти-COND-2SG MOD.AUX-IPFV
‘Возможно, что ты придишь в субботу’.

Номинализация: В примере (2) зависимая клауза выражается номинализацией на *-гъан-*. Синтаксически эта конструкция интересна тем, что номинализация в ней может быть исключительно в номинативе, что может поддержать статус вложенных клауз при предикате *ярай* как сентенциальных субъектов. Также интересно, что она позволяет опциональный дативный аргумент, выражающий участника, на которого направлено разрешение (семантически такая конструкция позволяет т.н. “корневые”, неэпистемические прочтения [Van der Auwera, Plungian 1998]).

- (2) *Камила-гъа яра-й мен ону тув-гъан*
Камила-DAT MOD.AUX-IPFV я она.GEN родиться-NMLZ

гюн-юм-е чакъыр-гъан-ым
день-1SG.POSS-DAT приглашать-NMLZ-1SG.POSS
‘Камиле можно, чтобы я пригласил ее на свой день рождения’.

Инфинитив: Конструкция в примере (3), в целом, схожа с конструкцией с номинализацией, за исключением того, что она может быть лишь односубъектной: дативный аргумент должен совпадать с субъектом инфинитивной клаузы, что может означать то, что это конструкция с синтаксическим контролем.

- (3) *Сагъа китан-ны менде къой-ма-гъа ярай-й*
 ты.DAT книга-ACC я.LOC оставить-INF-DAT MOD.AUX-IPFV
 ‘Тебе можно оставить у меня книгу’.

Вариативность из субъектности: Как можно увидеть, *ярай* позволяет большую вариативность синтаксического устройства зависимой клаузы. Один из способов объяснить такую неприхотливость – посчитать, что зависимая клауза в таких конструкциях играет роль **сентенциального субъекта**, что позволит обойти постулирование всепозволяющей рамки субкатегоризации глагола *ярай*. За такой вывод выступает: (а) синтаксическая позиция субъекта – он остается в зависимой клаузе; (б) тот факт, что *ярай* непреходный глагол – имеется каузативный вариант *ярат-*, обозначающий ‘разрешить’ (4).

- (4) *Камила-гъа ярат-а мен ону тув-гъан*
 Камила- DAT MOD.AUX-IPFV я она.GEN родиться-NMLZ

гюн-юм-е чакъыр-гъан-ым-ны
 день-1SG.POSS-DAT пригласить-NMLZ-1SG.POSS-ACC
 ‘Камиле можно, чтобы я позвал ее на свой день рождения’.

Закключение: Разнообразие конструкций, которое позволяет модальный предикат *ярай* в терском кумыкском языке, может быть объяснено субъектным статусом вложенной клаузы, поскольку в таком случае разнообразие конструкций следует из разнообразия сентенциальных субъектов в этом языке. Также данный предикат показывает семантическую сущность синтаксических различий между разными модальными прочтениями [Brennan 1993]).

Список условных сокращений

1, 2 — первое, второе лицо; ACC — аккузатив; AUX — вспомогательный глагол; COND — кондиционалис; DAT — датив; GEN — генетив; INF — инфинитив; IPFV — имперфект; LOC — локатив; MOD — модальность; NMLZ — номинализация; POSS — посессивность; SG — единственное число.

Литература

- Brennan, V. M. (1993). Root and epistemic modal auxiliary verbs. University of Massachusetts Amherst.
Van der Auwera, J., & Plungian, V. A. (1998). Modality's semantic map.

Частичная судьба тюркского эвиденциального перфекта в терском диалекте кумыкского языка

Д. Е. Касенов, Д. А. Парамонова
(НИУ ВШЭ; МГУ им. М. В. Ломоносова)

Введение: эвиденциальность тесно связана с категорией перфекта, что мы наблюдаем и на материале тюркских языков, например, турецкого [Баджанлы 2005: 20], алтайского [Скрибник, Озонова 2005: 122], якутского [Ефремов 2010: 155] и др. Перфект, главной функцией которого является описание события, результаты которого сохраняются в настоящем времени, может выражать некоторые эвиденциальные значения, например, восприятие или заключение [Comrie 1976: 58]. Мы опишем формальные и семантические свойства инферентивной частицы *экен*, реализующей эвиденциальное значение в терском диалекте кумыкского языка ввиду отсутствия такового у формы перфекта.

Реализация эвиденциального значения: в изучаемом диалекте (сбор данных был осуществлен во время экспедиции в село Предгорное республики Северная Осетия) перфект сочетается с неэвиденциальным контекстом (1), а эвиденциальное значение передается с помощью специализированной частицы *экен*.

- (1) о Кизляр-гъа *гет-ген*
он Кизляр-DAT уйти-PFCT
'Он уехал в Кизляр'.

В грамматике кумыкского языка [Гаджихмедов 2014: 394] значение данной частицы обозначается как модальное, а перевод ее с помощью слова «оказывается» (2) указывает на сближение с показателем миратива, выражающим удивление говорящего от внезапно установленного им факта (эпистемическая неожиданность); полученное знание контрастирует с предыдущим состоянием незнания [Плунгян 2011: 331].

- (2) *ол юзюм бав-лар-да къаравулчу экен*
 он виноград сад-PL-LOC караульная служба EVD.PTCL
 ‘Он, оказывается, работает сторожем на виноградниках’.

Инферентивные свойства частицы: в грамматике также приводится более точное, но недостаточно полное описание значения частицы *экен*: «Значение сказуемости с модальным оттенком опосредованного узнавания, догадки» [Гаджихмедов 2014: 199]. Данные, собранные на материале терского диалекта кумыкского языка, позволяют нам уточнить вышеуказанное определение и сузить функциональную сферу употребления эвиденциальной частицы *экен*. Перед нами инферентивная частица: она не подразумевает опосредованного получения информации через участников ситуации или ее очевидцев, а допускает узнавание лишь по косвенным признакам, результатам произошедшего события [Мельчук 1998: 199]. Диагностики, указывающие на инферентивный характер эвиденциальной частицы *экен*, будут подробно разобраны в докладе. Приведем несколько примеров (3а), (3б). Отметим фонетическое чередование, изменяющее облик частицы *экен* в данном диалекте, — переход гласного в носовой согласный под влиянием прогрессивной ассимиляции и частичное падение финального *н*. В связи с установленным значением, а также вопросительным характером контекстов с инферентивной частицей, на который указывают носители, мы будем переводить их с помощью вопроса с конструкцией «что ли».

- (3) а. *мен яр-гъа мин-ген-мен-мкен*
 я гора-DAT подняться-PFCT-1SG-EVD.PTCL
 а. ‘Я в гору, что ли, поднялся?’ (Например, человек-лунатик с утра видит, что вся его одежда в дорожной пыли, а вокруг камни с близлежащей горы).
 б. ‘Я сам, что ли, в гору поднялся?’ (Лексическое ударение на *мен*).
- б. *о гет-ген-мке?*
 он уйти-PFCT-EVD.PTCL
 ‘Он ушел, что ли?’

Формально частица *экен* сводится к слившейся в одну лексему форме перфекта вспомогательного глагола э- (тюркский показатель перфекта *-ген/-гъан-*), что поясняет диахроническую природу выражения инферентива в терском кумыкском.

Заключение: в тюркских языках часто наблюдается эвиденциальный перфект. Несмотря на отсутствие такового в терском кумыкском, мы показали, что остатки этой тенденции живы

в частице экен, диахронически сводимой к форме перфекта вспомогательного глагола э-.

Список условных сокращений

1 — первое лицо; COM — комитатив; DAT — датив; EVD.PTCL — эвиденциальная частица; LOC — локатив; PL — множественное число; PFCT — перфект; REC — реципрок; SG — единственное число.

Литература

- Баджанлы 2005 — Баджанлы Э. Категория эвиденциальности в турецком языке в функционально-семантическом аспекте: В сопоставлении с алтайским языком // Дисс. канд. филол. наук, М. 2005. 209 с.
- Гаджихмедов 2014 — Гаджихмедов Н.Э. Современный кумыкский язык. // Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН. 2014. 557 с.
- Ефремов 2010 — Ефремов Н. Н. Категория эвиденциальности в якутском языке // Функционально-семантические категории в якутском языке: каузативность, эвиденциальность, итеративность / Н. И. Данилова, Н. Н. Ефремов, Е. М. Самсонова. Новосибирск: Наука, 2010. С. 72-177.
- Мельчук 1998 — Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Том. II. М. — Вена: Языки русской культуры, 1998. 545 с.
- Плунгян 2011 — Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. // М.: Российский государственный гуманитарный университет. 2011. 672 с.
- Скрибник, Озонов 2005 — Скрибник Е. К., Озонов А. А. Средства выражения засвидетельствованности и миративности в алтайском языке // Пути формирования лингвистического ландшафта Сибири. Новосибирск. 2005. С. 120—146.
- Comrie 1976 — Comrie B. Aspect: An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems (Cambridge Textbooks in Linguistics) // Cambridge University Press; First Edition. 1976. 156 p.

**К типологии грамматикализации глаголов восприятия:
конструкция «инфинитив + аʔʒ'әнә́ 'видеть'» в татышлинском
удмуртском¹**

Е. В. Кашкин

(Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
МГУ имени М. В. Ломоносова)

В докладе рассматривается конструкция, состоящая из инфинитива лексического глагола и из грамматикализованного глагола *аʔʒ'әнә́* 'видеть' (лит. *адзыны*) в татышлинском говоре удмуртского языка (1). В задачи работы входит исследование ее семантических и морфосинтаксических свойств, а также ограничений на выбор лексического глагола. Данные собраны методом анкетирования носителей языка (перевод предложений с русского языка, оценка приемлемости и интерпретация предложений на удмуртском языке — с учетом основных семантических и акциональных классов лексических глаголов) в Татышлинском р-не Респ. Башкортостан (с. Нижнебалтачево, Старый Кызыл-Яр, Новые Татышлы и др.) в 2022 г. В опросе приняли участие 16 носителей.

(1) *vas'a-lə́ mən-ono val ufa-je, no so č'erla-nə́*
Вася-DAT идти-DEV быть.PST Уфа-ILL но тот заболеть-INF

аʔʒ'-i-z.

видеть-PST-3SG

‘Васе надо было ехать в Уфу, но он заболел’.

Для литературного удмуртского языка, судя по данным [КУЯ] и консультациям носителей, такая конструкция не характерна. В татышлинском говоре (в целом описанном скудно) она также не была проанализирована.

Сочетание глагола *аʔʒ'әнә́* с инфинитивом дифференцируется семантически от его сочетания с деепричастием на *-sa*, выражающего значение попытки. Конструкция с инфинитивом указывает на противопоставление ситуации, обозначаемой формой инфинитива, другой ситуации (в (1) заболевание Васи противопоставлено планировавшейся поездке в Уфу, см. также интерпретации (2)). Кроме того, эта конструкция предполагает наступление нежелательных последствий ситуации (3); см. также (4)–(5), где использование конструкции невозможно при

¹ Исследование поддержано Российским научным фондом (проект № 22-18-00285, выполняемый в МГУ имени М. В. Ломоносова).

желательной/нейтральной ситуации либо вызывает переинтерпретации у тех носителей, кто допускает ее употребление.

- (2) *maša* *vas'a-jez* *ž'aratā-nā* *aʔž'-i-z.*
 Маша Вася-ACC любить-INF видеть-PST-3SG
 'Маша полюбила Васю'. [Но им не разрешают быть вместе. / Был другой парень, и откуда только появился Вася?]

- (3) *mon* *s'ór-a-m* *vuž* *propusk-ez* *bas'tā-nā*
 я зад-LOC/ILL-POSS.1SG старый пропуск-ACC взять-INF

aʔž'-i-ø, *so* *ponna* *oxrana* *mone* *òz*
 видеть-PST-1SG тот за охрана я.ACC NEG.PST.3

pəŋ-tā

войти-CAUS

'Я взял с собой старый пропуск, поэтому охрана меня не пропустила'.

- (4) **mon* *vala-nā* *aʔž'-i-ø* *mar* *karā-nā*
 я понять-INF видеть-PST-1SG что делать-INF
 Ожидаемое значение: 'Я поняла, что делать'.

- (5) *ʔmon* *ul-is'* *baltač'-əŋ* *vordis'kā-nā* *aʔž'-i-ø*
 я низ-EL Балтачево-LOC родиться-INF видеть-PST-1SG
 'Я родился в Нижнебалтачево'. [И это привело к нежелательным последствиям для меня.]

Конструкция «инфинитив + *aʔž'əŋā*» не во всех идиолектах совместима с описанием естественного хода событий (6). Исходя из этого, можно было бы предположить наличие у нее митаривной семантики, однако это предположение не подтверждается, ср. пример (7), возможный только с интерпретацией противопоставления.

- (6) *ʔsiz'əl* *vuž-nā* *aʔž'-i-z.*
 осень прийти-INF видеть-PST-3SG
 'Наступила осень'.

- (7) *tod-is'ko-d=a*, *kórāš* *kāšno* *bas'tā-nā* *aʔž'-i-z.*
 знать-PRS-2SG=Q сосед женщина взять-INF видеть-PST-3SG
 'Представляешь, сосед женился'. [Эх, а я не успела выйти за него замуж. / Теперь жена его не пускает гулять.]

Помимо более подробного рассмотрения семантических вопросов, мы остановимся на морфосинтаксических свойствах

конструкции с *aʔʒʹənə* (ограничении на сочетаемость с показателями отрицания; употреблении в различных временных формах). Кроме того, мы сопоставим наблюдаемую модель семантического расширения глагола ‘видеть’ с типологическими данными о развитии аналогичных лексем (см., в частности, [Maisak 2016: 854–861; Kuteva et al. 2019: 388–393]), а также о семантике других единиц со значением обнаружения. Как параллель последнего типа с некоторыми оговорками можно оценивать систему употреблений русского *оказывается* (см. [Храковский 2007: 619–629; Падучева 2014]); ее сходства и отличия от анализируемой нами конструкции мы обсудим в докладе.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; CAUS — каузатив; DAT — датив; DEB — дебитив; EL — элатив; ILL — иллатив; INF — инфинитив; LOC — локатив; NEG — отрицание; POSS — посессивность; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; Q — вопросительная частица; SG — единственное число.

Литература

- КУЯ — Корпуса удмуртского языка. Электронный ресурс: <http://udmurt.web-corpora.net/> (дата обращения: 20.08.2022).
- Падучева Е. В. Эвиденциальные показатели и их режимы интерпретации // Acta Linguistica Petropolitana, т. X, ч. 3, 2014. С. 529–541.
- Храковский В. С. Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой / отв. ред. В. С. Храковский. СПб.: Наука, 2007. С. 600–632.
- Kuteva T., Heine B., Hong B., Long H., Narrog H., Rhee S. World lexicon of grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
- Maisak T. Morphological fusion without syntactic fusion: the case of the “verificative” in Agul // Linguistics, 54(4), 2016. P. 815–870.

Омонимия SAY/DO/WANT в тунгусо-маньчжурских языках

Е. Л. Клячко

(НИУ ВШЭ)

В ряде тунгусо-маньчжурских языков существует многозначный глагол, возводимый к пратунгусскому *leKe- ([9: 869])¹. Среди его значений: ‘заниматься; делать’, ‘намереваться; собираться’, ‘ходить’, ‘давать, дарить’, ‘говорить’, ‘происходить’, ‘совокупляться’, ‘проказничать’ ([13: 196, 197], [15: 651]). Цель доклада — объяснить пути развития многозначности этого глагола. Анализ текстов на эвенкийском, негидальском, эвенском и удэгейском языках, а также данных элицитации для эвенкийского языка (восточные говоры) позволили уточнить его функции и значения:

1. употребление в составе коннектора (эвенкийский, негидальский):

(1) *haktira:du:* *haktira:-na-du:* *əmə-s'io-l*
стемнеть.DAT.SLIP стемнеть-PPF-DAT прийти-PANT-PL

tuy *n'ikə-s'io-l=da* *dikə-t-tʃo-l*
так V-PANT-PL=PTCL спрятаться-DISTR-PANT-PL

‘Пришли в темноте, темной ночью. Так сделали и спрятались’
(эвенк., [1])

(2) *ti:* *neko-mi* *kaltal-la-Ø* *noŋanman*
так V-CVB.COND разделить-NFUT-3PL 3SG.ACC
‘Поэтому ее [шкуру] разрезают напополам’ (нег., [8])

2. ‘собираться, хотеть’ (эвенкийский, негидальский, эвенский):

(3) *pəktirə:-l-də:-ji* *nəkə-d'ə-tʃo:-w*
выстрелить-INCH-CVB.PURP-RFL V-IPFV-PST-1SG
‘Я собирался выстрелить’ (эвенк., [1])

(4) *jeru-βkan-da-j* *neko-je-n* *məjga-ja-n*
есть-CAUS-CVB.PURP-RFL V-NFUT-3SG думать-NFUT-3SG
‘Накормить [меня] хочет», — думает’ (нег., [8])

1 Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 20-012-00520 «Динамика развития языковой ситуации в локальных группах коренных малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока по данным лингвистических биографий».

- (5) *тэсэ-б-дэ-с* *нек-рэ-м*
 чистить-PASS-CVB.PURP-2SG V-NFUT-1SG
 ‘Хочу, очистись [=чтобы ты очистился]’ (эвен., [11: 23])

3. ‘заниматься, вести себя; происходить’ (эвенкийский, негидальский, эвенский, удэгейский):

- (6) *e:wa=da* *э-һнэ-Ө-т* *һәкә-рә*
 что-ACC=FOC NEG-HAB-NFUT-1SG V-PNEG
 ‘[на пенсии] Ничего не **делаю**’ (эвенк., [1])

- (7) *təpko-l-təa* *o:j* *e:kun-ma* *o-du* *һеко-Ө-s*
 крикнуть-INCH-PST INTJ что-ACC этот-DAT V-NFUT-2SG
 ‘Кричит: «О-о-о, что ты тут **делаешь**?»’ (нег., [8])

- (8) *эн ’э-һи-ми=кэ* *һоһа-л-ди-н*
 мама-PTCL-PEJOR=PTCL плакать-INCH-PST-3SG
өн=иһи *һәк-чи-н*
 как=PTCL V-FUT-3SG
 ‘Мама моя, бедная, заплакала, что же **делать**’ (эвен., [14: 35])

- (9) *jə-wə* *һәхә-зә-Ө* *uti*
 что-ACC V-SUBJ-3PL этот
 ‘Что они **будут делать**?’ (уд., [16: 64, 65])

4. ‘сказать’; при вводе идеофонов:

- (10) *кирё* *таp-мй-вэ=зу* *һекэ-де-Ө-ндэ*
 INTJ тот-ATTEN-ACC=INTERROG V-IPFV-NFUT-2SG
 ‘Фу, про него, что ли, **говоришь**?’ (эвенк., [2])

- (11) *Лурт* *һекэ-һки*
 ONOM V-PHAB
 «Лурт» **делает** <медведь>’ (эвенк., [10: 276, 277])

- (12) *e:=laka* *kapor kapor* *һеко-ја-н*
 что=PTCL ONOM ONOM V-NFUT-3SG
 ‘Где это хруст-хруст **делается**? [=Что же **делает** хруст-хруст].’
 (нег., [8])

- (13) *як* *һекэ-д-дэ-н* *дэбэр* *дэбэр* *дэбэр*
 кто V-PROG-NFUT-3SG человек человек человек
 ‘Кто-то **вскрикнул**: “Человечек, человечек! Человечек!”’ (эвен., [12: 60, 61])

5. ‘ходить; охотиться’ (эвенкийский):

- (14) *a* *пэкэ:-η-i* *ноноп* *инэη* *пэкэ-ji-ŋi-θ-m*
INTJ соболю-ALIEN-ACC.RFL сначала днем V-INCEP-DUR-NFUT-1SG
'А, за соболю раньше днем **начинаю ходить**' (эвенк., [1])

Совмещение значений SAY/WANT широко представлено в языках мира ([5], [6]). Совмещение значений SAY/DO наблюдается в языках банту ([3]), в языках Австралии ([7]). Наконец, сценарий развития омонимии SAY/DO/WANT, описанный в [4] для одного из языков банту, наиболее похож на тунгусо-маньчжурский случай.

Я предполагаю, что, как в [4], глагол обобщенного действия (DO) стал использоваться для ввода идеофонов (SAY), приобретая затем значение WANT. С другой стороны, обобщенное действие стало означать действие, стандартное для данной культуры ('ходить; охотиться'), или, напротив, табуированное. Наконец, DO стал использоваться в составе коннектора: 'сделав так', 'после этого', 'вследствие этого'. В докладе я рассмотрю доводы за и против этих предположений.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — первое, второе, третье лицо, ACC — аккузатив, ALIEN — отчуждаемое обладание, ATTEN — аттенуатив, CAUS — каузатив, CVB.COND — конверб условия, CVB.PURP — конверб цели, DAT — датив, DISTR — вид распределенного действия, DUR — дуратив, FUT — будущее время, HAB — хабитуалис, INCEP — инцептив, INCH — инхоатив, INTERROG — вопросительная частица, INTJ — междометие, INTS — интенсификатор, IPFV — имперфектив, NEG — отрицание, NFUT — небудущее время, ONOM — звукоподражание, PANT — причастие предшествования, PASS — пассив, PHAB — причастие хабитуальное, PEJOR — пейоратив, PL — множественное число, PNEG — причастие отрицательное, PPF — причастие перфективное, PROG — прогрессив, PST — прошедшее время, PTCL — частица, RFL — рефлексив, SG — единственное число, SLIP — оговорка, SUBJ — сослагательное наклонение.

Литература

1. <http://gisly.net> [Электронный ресурс]. Корпус эвенкийского языка Института языкознания РАН. 2022. — URL: <https://gisly.net/corpus> (дата обращения: 27.08.2022).

2. <https://corpora.ica.ras.ru/corpora/> [Электронный ресурс]. Корпус эвенкийского языка ИЭА РАН. 2022. — URL: <https://corpora.ica.ras.ru/corpora/> (дата обращения: 27.08.2022)
3. Cohen D., Simeone-Senelle M-C., Vanhove M. The grammaticalization of ‘say’ and ‘do’: An areal phenomenon in East Africa // *Reported discourse: A meeting ground for different linguistic domains* / Amsterdam/Philadelphia Benjamins. — 2002. — P. 227–251
4. Devos M., Bostoen K. Bantu DO/SAY Polysemy and the Origins of a Quotative in Shangaci // *Africana Linguistica*, 2012, Vol. 18, no. 1, P. 97–132
5. Güldemann T. When ‘say’ is not say. The functional versatility of the Bantu quotative marker *ti* with special reference to Shona // *Reported discourse: A meeting ground for different linguistic domains* / Ed. by T. Güldemann, M. von Roncador. — Vol. 52. — John Benjamins Publishing, 2002, pp. 253–287
6. Güldemann, T., von Roncador, M. A comprehensive bibliography of reported discourse. In: *Reported Discourse. A meeting ground for different linguistic domains*. Ed. by T. Güldemann and M. von Roncador. John Benjamins, Amsterdam, 2002, pp. 365–415.
7. McGregor W. B. The “say, do” verb in Nyulnyul, Warrwa, and other Nyulnylan languages is monosemic // *Events, arguments and aspects: Topics in the semantics of verbs*, 2014, P. 301–27
8. Pakendorf B., Aralova N. [Электронный ресурс] <https://elar.soas.ac.uk/Collection/MPI1041287> Pakendorf, B. and Aralova, N. 2017. Documentation of Negidal, a nearly extinct Northern Tungusic language of the Lower Amur. Endangered Languages Archive. <http://hdl.handle.net/2196/00-0000-0000-000F-E387-1>. 2022. — URL: <https://elar.soas.ac.uk/Collection/MPI1041287> (дата обращения: 27.08.2022)
9. Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. *Etymological dictionary of the Altaic languages*. Brill Leiden, 2003.
10. Варламова Г. И., Варламов Н. А., Дьяконова М. П. *Фольклор эвенков Олекмы* / Научно-исследовательский институт Олонхо Северо-Восточного Федерального университета имени М. К. Аммосова. Алаас, 2021
11. Евангелие от Луки (перевод на эвенкийский язык В. Элрики) // М.: Институт перевода Библии. – 2001

12. Кастен Э., Авак Р. Н. Духовная культура эвенов Быстринского района. Фонд культуры народов Сибири, 2014.
13. Константинова О. А. Эвенкийский язык: фонетика и морфология. М.; Л. : Наука, 1964
14. Кузьмина Раиса Петровна Частицы в нижнеколымском говоре эвенского языка // Арктика XXI век. Гуманитарные науки . 2017. №4 (14)
15. Цинциус В И. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимологическому словарю. Наука, 1975–1977. — Т. 1
16. Шнейдер Е. Р. Материалы по языку анюйских удэ //Научно-исследовательская ассоциация Института Народов Севера им. ИГ Смидовича. – 1937. – №. 11.

**«Сравнительные словари всех языков и наречий» (1787-1789)
Петра Симона Палласа как источник лексического материала
тюркских языков**

И. Козера-Славомирска
(Ягеллонский университет)

«Сравнительные словари всех языков и наречий» (1787-1789) (лат. *Linguarum Totius Orbis Vocabularia Comparativa augustissimae cura collecta*) представляют собой особенный труд в научных достижениях Петра Симона Палласа, выдающегося немецкого зоолога и ботаника, участника многочисленных экспедиций по восточным провинциям Российской империи. Несмотря на тот факт, что словарь-тезаурус рассматривается в рамках ранней ненаучной лингвистической мысли, он поражает богатством эмпирического материала и последовательностью формального описания. Структура словаря, несомненно, позволяет не только заметить лексическое сходство многих языков, но и заметить во многих случаях их общее происхождение. Работа П.С. Палласа является первым сравнительным многоязычным словарем, чрезвычайно ценным источником знаний о наименовании и распространении различных языковых групп в XVIII в., о чем свидетельствуют многочисленные научные труды, посвященные материалам отдельных языков, напр.: уральских [Мукосеева 2013], албанского [Каминская 2010; Stachowski 1987], чешского, украинского и полабского [Fałowski 1999a, 1999b, 2000], кашубского [Popowska-Taborska 1994, 2006], польского [Jakubczyk 2014], французского

[Bochnakowa 2013], испанского [Stala 2011], португальского [Dębowiak 2016], английского [Mańczak-Wohlfeld 2001], русского [Juszkiewicz 1975, 1978], персидского [Maciuszak 2003], чувашского [Semieniec-Golaś 1996], османско-турецкого [Stachowski 1967].

Настоящее выступление посвящено языкам, которые на материале словаря П.С. Палласа до сих пор не исследовались. Кыпчакские языки – это самая многочисленная группа тюркских языков, отображенная в лексическом материале словаря П.С. Палласа. Это группа, подверженная интенсивному диалектному расслоению (напр. татарские языки), рассеянная по обширной территории России, находящаяся под сильным влиянием других алтайских языков, арабского и персидского.

Семантический и грамматический анализ кыпчакского лексического материала выявил 285 словарных статей и 3287 лексических единиц. 202 статьи, содержащие имена существительные, были упорядочены по семантическим критериям (21 тематический класс). 83 статьи подлежали грамматическому делению на остальные части речи. Подробной характеристике подверглись выделенные семантические группы и грамматические классы. В ходе анализа материала были замечены многие семантические модификации кыпчакской лексики. В качестве примера может послужить партонимическое отношение *рука – ладонь*, ср. РУКА [Pallas 35 – I/109]: ⁸⁹tat.kaz. **Коль**, **Куль**, ⁹⁰tat.miesz. **Куль**, ⁹¹basz. **Каль**, **Куль**, ⁹²nog. **Эль** [Объяснение сокращений - см. Список]. Лексика со значением *лицо* восходит к др.тюрк. корню *Jü:z [Тенишев 2001: 206] (⁸⁹tat.kaz. **Юсь**, ⁹¹basz. **Юзь** [Pallas 17 – I/53]) или к др.тюрк. *Bät [Тенишев 2001: 206] (⁸⁹tat.kaz. **Бить**, ⁹¹basz. **Бить**, ⁹⁵tat.czac. **Беше**, ⁹⁹tat.bar. **Бить**, ¹⁰⁴kirg. **Бить** [Pallas 17 – I/53]). В материале наблюдается лексическое сходство словарных статей ЛИЦО и ЩЕКИ, ср. ЛИЦО: ⁹¹basz. **Бить**, ¹⁰⁴kirg. **Бить** [Pallas 17 – I/53] vs. ЩЕКИ: ⁹⁴tat.tob. **Янакъ**, **Питъ** [Pallas 26 – I/81-82]. Похожие параллели отражены в лексике статей: НОСЪ и НОЗДРИ, ср. НОСЪ ⁸⁹tat.kaz. **Бурунь**, ⁹⁰tat.miesz. **Буронъ**, **Брунь**, ⁹¹basz. **Бурунь**, **Мурунь**, ¹⁰⁴kirg. **Тумшукъ** [Pallas 18 – I/56] vs. НОЗДРИ ⁹⁰tat.miesz. **Бурунтишекъ**, ⁹⁴tat.tob. **Бурунътишикъ**, **Бурунъларъ** [Pallas 19 – I/59-60]. Из указанных лексем выделяется ¹⁰⁴kirg. **Тумшукъ** [Pallas 18 – I/56] со значением типичным для животного ‘клюв, хобот, морда’ [Тенишев 2001: 216]. Отношением к миру животных характеризуется также лексика, восходящая к др.тюрк. *Be:l [Тенишев 2001: 270] (ср. ⁹⁴tat.tob. **Биль**, ⁹⁵tat.czac. **Бель**, ⁹⁹tat.bar. **Биль** [Pallas 39 – I/122]) со значением ‘спина животного’ [Тенишев 2001: 270], в отличие от человеческого *Arka или *Sirt/Syrty (ср.:

⁸⁹tat.kaz. *Арка*, ⁹²nog. *Арка*, *Сиртъ*, ¹⁰¹tel. *Сырты* [Pallas 39 – I/122]). В словаре П.С. Палласа лексика подлежит семантической дифференциации. Значение ‘бык’ представлено лексикой, восходящей к разным корням, напр. ‘бык-производитель’ ⁹⁵tat.czac. *Бугá*, *Бука*, ⁹⁹tat.bar. *Бага*, ¹⁰¹tel. *Буга* [Pallas 148 – II/55] vs. ‘кастрированный бык - вол’ ⁸⁹tat.kaz. *Угесь*, ⁹⁰tat.miesz. *Угусь*, ⁹¹basz. *Угузь* [тамже]. Половые различия отмечаются в словарной статье КОТЬ: ⁹⁹tat.bar. *Иръ-мышакъ*, ¹⁰¹tel. *Ергекъ-мый*, ⁸⁹tat.kaz. *Атамачи*, ⁹⁰tat.miesz. *Ата-нси* [Pallas 155 – II/77] (*Ir, Ergek>Erkek* ‘мужчина’, *Ата* ‘отец’ – показатели мужского пола).

Материал кыпчакских языков позволил выделить общетюркские фонетические черты (напр. изменение инициального *b->m-*, см. ‘нос’: ⁹¹basz. *Бурунь*, *Мурунь* [Pallas 18 – I/56]; ‘лód’: ¹⁰¹tel. *Мусь*, *Бусь* [Pallas 86 – I/271]), а также кыпчакские особенности (напр. начальное *и-* на месте огузского *о-*: ‘травá’: ⁸⁹tat.kaz. *Улянь*, ⁹⁰tat.miesz. *Улянь*, ⁹¹basz. *Улемь* [Pallas 127 – II/400]; ‘лес’: ⁸⁹tat.kaz. *Урмань*, ⁹⁰tat.miesz. *Урмань*, ⁹¹basz. *Урмань* [Pallas 126 – II/397]).

Список условных сокращений

⁸⁹tat.kaz. – диалект Казанских татар, ⁹⁰tat.miesz. – диалект Татар-мишарей, ⁹¹basz. – башкирский язык, ⁹²nog. – ногайский язык, ⁹⁵tat.czac. – диалект чатских татар, ⁹⁹tat.bar. – диалект барабинских татар, ¹⁰⁴kirg. – киргизский язык, ⁹⁴tat.tob. – диалект Тобольских татар, ¹⁰¹tel. – телеутский язык.

Литература

- Bochnakowa A., 2013, „Linguarum totius orbis Vocabularia comparativa Augustissimae cura collecta (...)”, 1787-1789, „Studia Linguistica Universitatis Jagellonicae Cracoviensis”, t. 130, Kraków, s. 41-50.
- Dębowiak P., 2016, *O Dicionário da czarina Catarina a Grande. Análise dos elementos portugueses*, „Zeitschrift für romanische Philologie” 132(1), s. 232-261, <https://doi.org/10.1515/zrp-2016-0009>.
- Fałowski A., 1999a, *Materiał połabski w słowniku Katarzyny II*, [w:] M. Brzezina, H. Kurek (red.), *Collectanea linguistica in honorem Casimiri Polański*, Kraków, s. 49-58.
- Fałowski A., 1999b, *Язык украинский в словнике Катарзины II*, [w:] H. Mieczkowska (red.), *In memoriam Alfredi Zareba et Josephi Reczek w dziesiątą rocznicę śmierci*, Kraków, s. 137-144.

- Fałowski A., 2000, Materiał czeski w słowniku Katarzyny II, [w:] H. Wróbel (red.), *Studia z filologii słowiańskiej ofiarowane profesor Teresie Zofii Orłoś*, Kraków, s. 89-94.
- Jakubczyk M., 2014b, *Polszczyzna grażdańska w słowniku carycy Katarzyny II*, „Poradnik Językowy”, nr 2, Warszawa, s. 78-95.
- Juszkiewicz U., 1978, *Materiał rosyjski ze słownika Katarzyny II*, „Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska”, Vol. 31, S.F, s. 385-401.
- Каминская Л.Н., 2010, *Некоторые наблюдения над албанской лексикой в словаре С. Палласа*, „Вестник Санкт-Петербургского государственного университета”, nr 4, s. 125-134.
- Maciuszak K. 2003, *Persian Vocabulary of the 18th Century in the Tsarina Catherina's Dictionary*, „Folia Orientalia”, Vol. 39, s. 159-176.
- Mańczak-Wohlfeld E., 2001, The English Equivalents in „Linguarum totius orbis vocabularia comparativa”, [w:] W. Witalisz (red.), „*And Gladly Wolde He Lerne and Gladly Teche*”. *Studies on Language and Literature in Honour of Professor Dr. Karl Heinz Göller*, Kraków, s. 181-186.
- Мукосеева Я.Ю., 2013, *Уральская промышленная лексика в научном труде П.С. Палласа „Путешествие по разным провинциям Российского государства”*, „Диалог со временем”, nr 42, s. 346-354.
- Popowska-Taborska H., 1994, *Słownictwo kaszubskie w osiemnastowiecznych porównawczych słownikach Europy i Azji*, „Rocznik Slawistyczny” nr 49, s. 41-46.
- Popowska-Taborska H., 2006, *Raz jeszcze o materiałach kaszubskich w „Słownikach porównawczych języków i narzeczy Europy i Azji”*, [w:] Szkice, s. 287-296 [pierwodruk: „Rocznik Gdański”, t. LVIII, z. 1 (1998), s. 163-171].
- Siemieniec-Gołaś E., 1996, *Chuvash Words in Pallas Dictionary (1787-89)*, „Studia Turcologica Cracoviensia”, t. 8 (2001), Kraków, s. 121-140.
- Stachowski S., 1967, *Osmanisch-türkische Wörter im Wörterbuch von P. Pallas (1787-1789)*, „Folia Orientalia”, t. IX, s. 53-68.
- Stachowski S., 1987, *Wyrazy albańskie w Słowniku P. S. Pallasa (1787-1789)*, „Acta Baltico-Slavica”, t. 17, Warszawa, s. 237-253.
- Stala E., 2011, *Diccionario de Catalina la Grande (1787-1789). Análisis del material español*, „Studia Iberystyczne”, nr 10, Kraków, s. 151-163, <https://doi.org/10.12797/SI.10.2011.10.10>.

Типология сравнительных конструкций в урало-алтайских языках Сибири

Н. Б. Кошкарева

(Институт филологии СО РАН,

Новосибирский государственный университет)

В докладе предполагается обсудить принципы построения типологии сравнительных (компаративных) конструкций на материале урало-алтайских языков Сибири, которая учитывала бы структурные и семантические параметры, т. е. отвечала бы базовым представлениям структурализма о единстве плана выражения и плана содержания языкового знака.

В определении сравнительных конструкций мы следуем концепции М. И. Черемисиной, разработанной на материале русского языка [Черемисина 1976], дополняя ее современными материалами по типологии и исследованиями интересующего нас явления в языках разных систем. Несмотря на то, что для ряда языков Сибири имеются диссертационные и монографические исследования сравнительных конструкций, выполненные в том числе в традициях Новосибирской синтаксической школы [Васильев 1986; Тыбыкова 1989; Кыржинакова 2010; Ескельдиева 2016; и др.], обобщающего сравнительно-сопоставительного исследования пока не проводилось. Среди монографий Ленинградской (Санкт-Петербургской) типологической школы, посвященных типологии разных конструкций, нет специальных работ, посвященных сопоставлению конструкций рассматриваемого типа.

Сравнительные конструкции состоят из четырёх компонентов, обозначающих предмет сравнения, эталон сравнения, с которым сравнивается предмет, показатель сравнительных отношений, модуль (параметр) сравнения, обозначающий общее свойство или признак, на основе которого осуществляется сравнение, модус сравнения (достоверное / недостоверное; реальное / нереальное). Структурная классификация строится на базе матрицы, учитывающей способы выражения каждого из названных компонентов, в том числе имплицитные.

Функционально-семантическая классификация языковых выражений позволяет выделить два класса сравнительных

конструкций, выражающих отношения равенства и неравенства. Предложения равенства передают эквативные (точное сходство) и симилятивные (приблизительное сходство) значения. Предложения неравенства также представлены двумя разновидностями: собственно компаративные (два предмета сравниваются по общему признаку, который у одного из них выражен в большей степени, чем у другого) и суперлативные (один предмет противопоставляется всем другим предметам той же группы по признаку наивысшей или наименьшей степени проявления признака).

Данные отношения передаются разнообразными лексическими, морфологическими и синтаксическими средствами, которые классифицируются в зависимости от способа выражения компонентов сравнительной конструкции и типа сравнительной конструкции (простое vs. «непростое» предложение, синтетические vs. аналитические средства выражения сравнения и др.).

Исследование выполняется в первую очередь на материале хантыйского и ненецкого языков, для сопоставления привлекаются тюркские языки Сибири.

Литература

- Васильев Ю. И. Способы выражения сравнения в якутском языке. Новосибирск, 1986. 111 с.
- Ескельдиева Б. Е. Сравнительные конструкции в казахском и тюркских языках Сибири: Дис. ... д-ра философии (PhD). Астана, 2016. 172 с.
- Кыржинакова Э. В. Способы выражения сравнения в хакасском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Абакан, 2010. 262 с.
- Тыбыкова Л. Н. Сравнительные конструкции алтайского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1989.
- Черемисина М. И. Сравнительные конструкции русского языка. Новосибирск: Наука, 1976. 270 с.

Глаголы вращения в татышлинском удмуртском в типологической перспективе

А. И. Крюкова
(МГУ им. М. В. Ломоносова)

Доклад посвящен семантическому полю вращения в татышлинском говоре удмуртского языка. Мы рассмотрим

непереходные глаголы в прямом значении, сопоставив данные с источниками по литературному удмуртскому, а также оценив их на типологическом фоне. Материал собран в 2022 г. в Татышлинском р-не Республики Башкортостан методом анкетирования.

Глаголы вращения подробно проанализированы в типологическом ключе в [Круглякова 2010]. Из уральских языков поле описано только для коми-зырянского [Круглякова 2010] и горномарийского [Мордашова 2017], но не для удмуртского, из ареально близких языков для татарского [Круглякова 2010; Гилязетдинова, Салахова 2017].

Основным типологически релевантным параметром считается ось вращения: внешняя и внутренняя. Доминантный глагол *berganə* покрывает вращение по внешней оси (сложный случай представляют контексты без явно выраженного ориентира, которые будут подробнее описаны в докладе) и по внутренней оси (за исключением контекстов типа ‘катиться’), что типологически нетривиально, но засвидетельствовано также в горномарийском и татарском.

Помимо *berganə*, в зоне внешней оси употребляются глаголы *kotărjas'kəñə* и *porjanə*. Глагол *kotărjas'kəñə* < *kotăr* ‘округа’ описывает движение вокруг ориентира в одной плоскости с ним (1).

- (1) *pi* *pispu* *kotăr-ti* *kotăr-ja-ø -z* / *berga-ø -z*
 мальчик дерево округа-PROL округа-MULT-PST-3SG кружить-PST-3SG

‘Мальчик обошёл дерево несколько раз’.

Глагол *porjanə* может использоваться в дополнение к двум другим в том случае, если субъект вращения не имеет опоры (находясь в воздухе, в воде).

- (2) *vertol'ot* *gurez'-jos* *vəl-ti* *porja-ø -z* / *berga-ø -z*
 вертолет гора-PL верх-PROL парить-PST-3SG кружить-PST-3SG
 / *kotăr-ja-s'k-i-z*
 округа-MULT-DETR-PST-3SG

‘Вертолет кружил над горами’.

В зоне внешней оси выделяется кольцевое (спиралеобразное) отклонение субъекта от прототипической формы. В общем случае оно описывается глаголом *bin'is'kəñə* ‘замотаться, свернуться’.

- (3) *punäs'ul fonar kotâr-e bin'-is'k-i-z*
 вьюнок фонарь округа-ILL замотать-DETR-PST-3SG

‘Вьюнок обвился вокруг фонаря’.

В зоне внутренней оси типологически ожидаемо особое кодирование контекстов качения – в нашем случае в них используется глагол *pitâranâ* < *pitâr* ‘круг’ (4). Вращение на плоскости без существенного перемещения (перекачивание) описывается глаголом *pogâl'l'as'kânâ* (5).

- (4) *van'a gurez'-jos-ti vetlâ-kâ-z*
 Ваня гора-PL-PROL ходить-CVB.SIM-POSS.3SG

kanža-s'k-i-z no ul-lan'-e pitâr-a-ø -z
 споткнуться-DETR-PST-3SG ADD низ-APPR-ILL катиться-PST-3SG

‘Ваня гулял по горам, споткнулся и покатился вниз’.

- (5) *švak vós' lu-em-les' pijaš pogra-ø -z no*
 внезапный боль стать-NMLZ-GEN2 мальчик упасть-PST-3SG ADD

*muzjem vâl-ti pogâl'l'a-s'k-i-z / *pitâr-a-ø -z*
 земля верх-PROL катать-DETR-PST-3SG катиться-PST-3SG

‘От резкой боли парень упал и начал кататься по земле’.

Отдельно выделяются контексты вращения с неполными / одинарными оборотами: для их описания употребляются глаголы *kotârtânâ* (в зоне внешней оси, см. (6)) и *berâktis'kânâ* (в зоне внутренней оси, см. (7)).

- (6) *mašina korka-jez kotâr-t-i-z no az'*
 машина дом-ACC округа-SMLF-PST-3SG ADD перед

pal-a košk-i-z
 сторона-LOC/ILL уйти-PST-3SG

‘Машина обогнула дом и поехала дальше’.

- (7) *bud'il'nik zvonit' kar-i-z no*
 будильник звонить делать-PST-3SG ADD

van'a so-je kəʃ-i-z no
Ваня тот-ACC погасить-PST-3SG ADD

muket pal-a berəkt-is 'k-i-z iz 'i-z
другой сторона-LOC/ILL повернуться-DETR-PST-3SG спать-PST-3SG

‘Будильник зазвонил, Ваня его выключил, перевернулся на другой бок и заснул’.

Список условных сокращений

1-3 – 1-3 лицо; ACC – аккузатив; ADD – аддитивная частица; APPR – аппроксиматив; CVB.SIM – деепричастие со значением одновременности; DETR – показатель детранзитива; GEN2 – второй генитив; ILL – иллатив; INS – инструменталис; ITER – итератив; LOC – локатив; MULT – мультипликатив; PST – прошедшее время; PL – множественное число; POSS – посессивность; PROL – пролатив; PRS – настоящее время; SG – единственное число; SMLF – семейфактив.

Литература

- Гилазетдинова, Салахова 2017 — Гилазетдинова Г.Х., Салахова Р.Р. Лексико-семантические группы глаголов вращательного движения в русском и татарском языках // Тюркское языкознание XXI века: Лексикология и лексикография: материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию Академии наук Республики Татарстан. 10-11 сентября 2019 года. - Казань: ИЯЛИ, 2019. - 320 с. - С. 70-72
- Круглякова 2010 — Круглякова В. А. 2010. Семантика глаголов вращения в типологической перспективе. М.: РГГУ. Дисс. на соискание ученой степени кандидата филологических наук.
- Мордашова 2017 — Мордашова Д.Д. В ритме вальса: об устройстве семантического поля вращения в горномарийском языке. // Проблемы компьютерной лингвистики и типологии: Сборник научных трудов. Т.6. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2017. С. 50–63.

Субъект деепричастной клаузы и согласование деепричастий на -kə̌ и -č'č'ož в татышлинском удмуртском

Ю. Н. Кузнецова

(МГУ им. М.В. Ломоносова; ИППИ РАН им. А.А. Харкевича)

В работе рассматриваются деепричастия на -kə̌ (лит. -ку) и -č'č'ož (лит. -тозь) татышлинского говора удмуртского языка, демонстрирующих общие закономерности согласования. Материал собран методом анкетирования в Татышлинском районе Башкирии в 2022 г.

В этом говоре выраженность субъекта деепричастной клаузы и согласование деепричастий ранее не изучались, а в литературном удмуртском были изучены слабо. В [Перевошиков 1959: 58, 72] указана возможность деепричастий на -ку и -тозь функционировать в одно- (1a)-(2a) и разнособъектных (1b)-(2b) предложениях, а также способность присоединять согласовательные маркеры. В [Едыгарова 2010: 87, 146-148, 152] приводятся отдельные замечания о согласовании. Наиболее полно данная проблематика изучалась в [Georgieva 2018], но в первую очередь эта работа посвящена вопросам глубинной синтаксической структуры нефинитных клауз.

- (1) *Mon mis'-t-is'kə̌-kə̌*
я мыться-CAUS-DETR-CVB.SIM

- a. *rad'io kə̌ld-is'k-i-Ø*
радио слушать-DETR-PST-1SG

- b. *kórəš rad'io kə̌ld-is'k-i-z*
сосед радио слушать-DETR-PST-3SG

‘Когда я стирала, слушала радио/соседка слушала радио’.

- (2) *Punə̌ utə̌-č'č'ož,*
собака лаять-CVB.LIM

- a. *kɘara-tek kə̌l'-i-z*
голос-CAR остаться-PST-3SG

- b. *nə̌lpi-jos iz'-i-zə̌*
ребенок-PL спать-PST-3PL

‘Собака лаяла, пока не охрипла/а дети спали’.

Субъект деепричастной клаузы может быть не выражен, тогда наиболее типична трактовка референта как местоимения 1SG или реже 1PL:

- (3) *Kəŋʒ'a-kə̌* *muket-jos* *turə̌n* *turna-Ø-zə̌*
петь-CVB.SIM другой-PL трава косить-PST-3PL

‘Пока я пел/мы пели, другие косили траву’.

Если на поверхностном уровне в предложении выражен только один субъект, то при отсутствии согласования предложения типа (4) скорее интерпретируются как разносубъектные с дефолтной референцией субъекта зависимой клаузы.

- (4) [*Pet'a_i* [*pro_j* *bertə̌-kə̌_j*], *kəŋʒ'a-n* *kəŋʒ'a-Ø-z_i*]
Петя возвращаться-CVB.SIM петь-VN петь-PST-3SG

‘Пока я шла/мы с Петей шли обратно, Петя пел песню/ *Возвращаясь, Петя пел песню.’

В предложениях, где выражен только один субъект, согласование блокирует дефолтную референцию. Для односубъектных предложений наличие согласования обязательно, (5), кроме случаев, когда субъект – неодушевленное существительное (6) или местоимение “я”.

- (5) *Pes'anaj* *t'el'evizor* *aʔʒ'ə̌-kə̌-z* / **aʔʒ'ə̌-kə̌*
бабушка телевизор видеть-CVB.SIM-POSS.3SG/видеть-CVB.SIM

noski *kertt-i-z*
носок вязать-PST-3SG

‘Бабушка, смотря телевизор, вязала носки.’

- (6) *T'el'efon* *kəŋ-is'kə̌-kə̌-(z)*, *duʔd-i-z*
телефон ломать-DETR-CVB.SIM-POSS.3SG замолчать-PST-3SG

‘Сломавшись, телефон перестал звенеть’.

В разносубъектных предложениях с двумя выраженными субъектами не возникает дефолтной референции, и предпочтительно отсутствие согласования:

- (7) *Pes'aj-(zə)* *uža-kə̃-(ʔz)*, *nəlpi-jos*
бабушка-POSS.3PL работать-CVB.SIM-POSS.3SG ребенок-PL
- iz'-i-zə̃*
спать-PST-3PL

‘Когда (их) бабушка работала, дети спали.’

Наличие согласовательного маркера наименее желательно, если субъект не является человеком:

- (8) *šəḍ* *póz'ə-č'č'ož-*(a-z)*, *nəlpi-jos*
суп вариться-CVB.LIM-LOC/ILL-POSS.3SG ребенок-PL
- iz'-i-zə̃*
спать-PST-3PL

‘Пока суп не сварился, дети спали’.

Таким образом, согласовательное маркирование по-разному проявляется в одно- и разнособъектных предложениях, но в обоих случаях связано с одушевленностью субъекта. В литературе обсуждалась близкая проблематика для других языков, в частности влияние одушевленности на выраженность субъекта деепричастной клаузы в эстонском [Plado 2015] и кореферентность субъекта в башкирском [Say 2019].

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; CAUS — каузатив; CV — деепричастие; CVB.LIM — деепричастие на -č'č'ož; CVB.SIM — деепричастие на -kə̃; LIM — адимитив; PL — множественное число; POSS — посессив; PST — прошедшее время; SIM — одновременность; SG — единственное число; VN — отглагольное имя.

Литература

Едыгарова 2010 — Едыгарова С. Категория посевности в удмуртском языке. Категория посессивности в удмуртском языке. Tartu, 2010. (Dissertationes Philologiae Uralicae Universitatis Tartuensis 7).

- Перовошиков 1959 — Перовошиков П.И. Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке. Ижевск: Типография министерства культуры УАССР, 1959.
- Georgieva 2018 — Georgieva, E. Non-finite adverbial clauses in Udmurt. Doctoral dissertation. Szeged: University of Szeged, 2018.
- Plado 2015 — Plado, E. The Subject of the Estonian *des-converb* // SKY Journal of Linguistics, 28 (2015), p. 313–348.
- Say 2019 — Say, S. Prominent internal possessors in Bashkir, in András Bárány, Oliver Bond, and Irina Nikolaeva (eds), *Prominent Internal Possessors*. Oxford, 2019; online edn, Oxford Academic, 23 May 2019.

Комитатив и каритив в тундровом ненецком языке: о характере оппозиции

К. М. Лапина
(НИУ ВШЭ)

Комитативным отношением, согласно [Stolz et al. 2006: 17], называется отношение сопровождения (*accompaniment*) между двумя участниками ситуации, имеющими одинаковые или близкие семантические роли; при этом один из участников — сопровождаемый (*accompatee*) обычно более агентивен, чем другой — сопровождающий (*companion*). Каритивным отношением, в свою очередь, называется отношение отсутствия [Stolz et al. 2007: 66] или невовлечённости в ситуацию [Оскольская и др. 2020: 17–18] менее агентивного участника.

Комитативные значения в тундровом ненецком языке могут выражаться с помощью проприетивного суффикса *-sawey-* (*-cawey-*): *ya-sawey° pad°* (мука-СОМ мешок) ‘мешок с мукой’. Для выражения каритива используются суффиксы *-syə-* (*-cyə-*) и *-syiq-* (*-cyiq-*), из которых первый образует глаголы, а второй — наречия: *ya-syə-* (мука-CAR-) ‘быть без муки’; *ya-syiq to-* (мука-CAR.ADV прийти) ‘прийти без муки’.

В работе [Stolz et al. 2007: 67–69] комитатив и каритив рассматриваются как члены маркированной оппозиции: последний является семантически более маркированным из-за отрицательного компонента значения. Это подтверждает типологическое исследование, проведённое авторами, которое показывает, что каритив реже, чем комитатив, выражается связанной морфемой и чаще — большим количеством языкового материала. В [Kiparsky

2012: 30], в свою очередь, приводится список из 16 языков, в которых комитатив входит в падежную систему, и только в одном из них каритив тоже является падежом. Мы утверждаем, что отношение между комитативом и каритивом в тундровом ненецком языке не следует этой тенденции и является скорее симметричным, нежели маркированным.

В докладе мы рассмотрим комитативные и каритивные производные с точки зрения их синтаксической позиции, производящей основы и определяющих её зависимых. Сопоставление позволяет сделать следующие выводы:

- 1) Комитативные и каритивные производные могут употребляться в атрибутивной, адвербиальной и предикативной позициях, причём сложность выражения каритива выше в атрибутивной, но ниже в предикативной и адвербиальной позициях.
- 2) Каритивный показатель *-syiq* имеет более широкую сочетаемость, чем комитативный *-sawey^o-h* (-COM-ADV), т. к., в отличие от последнего, он способен присоединяться к именам собственным, косвенным основам личных местоимений и глагольным основам.
- 3) Как комитативные, так и каритивные производные образуются только от основ единственного числа.
- 4) Производящая основа как в комитативе, так и в каритиве способна присоединять следующие типы зависимых: прилагательное; посессор, выраженный именной группой или личным местоимением; указательное местоимение; числительное.

Таким образом, отношение между комитативом и каритивом является в значительной степени симметричным, причём в некоторых случаях именно комитатив проявляет свойства маркированного члена оппозиции.

При такой симметрии двух показателей необычно, что они образуют разные части речи: производные *-sawey^o-* относятся к именному, а производные *-syə-* — к глагольному классу. В докладе мы скажем о том, почему для тундрового ненецкого языка такая ситуация не является удивительной.

Исследование основывается на материалах корпуса [Salminen 2014] и данных, предоставленных носителями языка.

Список условных сокращений

COM — комитатив; CAR — каритив; ADV — адвербиализатор

Литература

- С. А. Оскольская, Н. М. Заика, С. Б. Клименко, М. Л. Федотов. Определение каритива как сравнительного понятия // Вопросы языкознания 3, 2020. С. 7–25.
- P. Kiparsky. Grammaticalization as optimization // D. Jonas, J. Whitman, A. Garrett (eds.). Grammatical Change: Origins, Nature, Outcomes. Oxford: Oxford University Press, 2012.
- T. Salminen. Tundra Nenets sample sentence corpus. 2014. URL: https://www.mv.helsinki.fi/home/tasalmin/tn_corpus.html
- T. Stolz, C. Stroh, A. Urdze. On Comitatives and Related Categories. A Typological Study with Special Focus on the Languages of Europe // G. Bossong, B. Comrie, Y. Matras (eds.). Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2006.
- T. Stolz, C. Stroh, A. Urdze. WITH(OUT): On the markedness relation between comitatives/instrumentals and abessives // WORD 58:1–3, 2007. P. 63–122.

Местоимение мыйкӧ «что-то» как лексический маркер хезитации в коми языке

Г. А. Некрасова
(ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН)

Для спонтанной устной речи характерны разнообразные формы сбоев (паузы, исправления, вставка дискурсивных маркеров и т. д.), информирующие о трудностях в поиске и вербализации речевого намерения говорящего. Интерес представляет препаративная подстановка, суть которой состоит в том, что говорящий, не найдя необходимого языкового средства выражения мысли, временно вводит на его место субститут. В качестве маркеров препаративной подстановки в языках мира используются указательные, вопросительные, универсальные или неопределенные местоимения, а также существительные с обобщенным значением типа ‘вещь’, ‘дело’ [Подлесская, Кибрик 2009: 185]. В коми языке распространенным лексическим средством хезитации является неопределенное местоимение *мыйкӧ* ‘что-то’, основным значением которого является указание на конкретный объект реальной действительности, неизвестный говорящему: *Сы-лы мый-кӧ сюр-и-с* [Он-DAT что-то найти-PRT-3SG] ‘Он что-то нашел’. В качестве

маркера хезитации это местоимение замещает чаще всего именные и глагольные группы.

При замещении субстантивных и местоименных словоформ к местоимению *мыйкӧ* могут быть присоединены показатели числа, падежа и посессивности существительного. Местоимение может иметь выраженное прилагательным, причастием, существительным, местоимением, числительным зависимое, которое располагается непосредственно перед ним (1).

- (1) *Дзоля* *мыйкӧ-яс-над* *вудж-ӧ-ны,*
 Маленький что-то-PL-INSTR.POSS.2SG перейти-PRS-3PL

дзоля *машина-яс-над*
 Маленький машина-PL-INSTR.POSS.2SG
 ‘Маленькими этими переходят, маленькими машинами’ (Коми йӧзкостса радио, 2012-06-26) (ККЯ).

Местоимение может употребляться с показателями степеней сравнения, степеней качества, предикативной множественности в случае, когда говорящий ищет необходимое прилагательное в функции определения или сказуемого (2).

- (2) *А* *ныл-ыс* *мыйкӧ-джык,* *буракӧ...*
 А девушка-POSS.3SG что-то-COMP видимо

Шӧр-ӧд *кат-ысь!*
 середина-PROL (против течения) плыть-PTCP

‘А девушка, видимо, более этакая ... Себе на уме’ (Г. Юшков) (ККЯ).

Если говорящий испытывает затруднения в поиске необходимого глагольного предиката, то чаще всего используется глагол, образованный в результате лексикализации сочетания местоимения *мыйкӧ* и глагола *кер(т)ны* ‘делать’. Местоименный глагол может быть соотнесен с любым действием, актуальным для данной ситуации, он имеет финитные и инфинитные формы (3).

- (3) *Мыйкӧ-кер-ны* *и* *кут-а,* *пенсия* *вылӧ*
 Что-то делать-INF и начать-FUT.1SG пенсия на

пет-а *да*
 выйти-FUT.1SG да

Чуж-ӧма-сӧ *пырт-ны,* *а* *кул-ӧма-сӧ*
 Родиться-NMLZ-ACC крестить-INF а умереть-NMLZ-ACC

сбыл-ōд-ны
петь-DER-INF

‘И буду это делать, когда на пенсию выйду. Крестить новорожденных, а умерших отпевать’ (ККЯ).

Помимо этого, на основе местоимения с помощью некоторых деривационных и формообразовательных суффиксов могут быть образованы глаголы (*мыйкō-ась-ны* [что-то-REF-INF], *мыйкō-ōд-ны* [что-то-CAUS-INF], *мыйкō-ōсь-сьы-ны* [что-то-DER-REF-INF] и др.).

В случае, если говорящему не удастся построить полноценное предложение в смысловом отношении, то он использует состоящую из местоимения и местоименного глагола конструкцию, которая имеет все признаки предложения в плане структуры.

(4) ижемский диалект

<i>мыйке-сэ</i>	<i>мый-кар-и-с</i>	<i>Сюдбей-лысь</i>	<i>юр-сэ</i>	<i>бара</i>
что-то-ACC	что делать-PRT-3SG	Сюдбей-ABL	голова-ACC	снова

<i>Сюдбей</i>	<i>чер-ен</i>	<i>бара</i>	<i>керал-и-с</i>
Сюдбей	топор-INSTR	снова	рубить-PRT-3SG

‘это самое сделал, голову Сюдбея топором Сюдбея снова срубил’
(Фольклор)

Данные коми языка показывают, что при хезитации говорящий может спланировать грамматическое оформление необходимой лексемы до ее выбора. Замещение местоименными словами не только имен, но и глаголов допускает рассмотрение местоимения как некой системы самостоятельных категориальных классов слов.

Литература и источники

ККЯ – Корпус коми языка: <http://www.komicorpora.ru/>

Подлесская В.И., Кибрик А.А. Речевые сбои и затруднения // Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 177–218.

Фольклор ижемских коми в ненецком автономном округе: сб. фольклор. текстов / Сост. А. Н. Рассыхаев, В. М. Кудряшева. Сыктывкар; Нарьян-Мар: Ин-т яз., лит. и истории Коми НЦ УрО РАН, 2014. 504 с.

Список условных сокращений

1, 2, 3 – лицо, ABL – аблатив ACC – аккузатив, CAUS – каузатив, COMP – компаратив, DER – деривационный суффикс, FUT – футурум, INF – инфинитив, INSTR – инструменталь, NMLZ – номинализатор, PL – множественное число, POSS – посессивность, PROL – пролатив, PRS – презенс, PRT – претерит, PTCP – причастие, REF – рефлексив, SG – единственное число.

Система неопределённых местоимений в прибалтийско-финских языках на материале переводов Нового Завета

В. А. Орлов

(ИЯз РАН, МГУ им. Ломоносова)

Использование текста Нового Завета как параллельного корпуса имеет достаточно давнюю традицию в лингвистике (см. литературу в [Плунгян 2021]). В основном исследования, обращающиеся к этому инструменту, написаны в рамках подхода, который можно вслед за [Кибрик 2003: гл. 11] назвать внегенетическом. Цель настоящего доклада – представить результаты внутригенетичеого исследования системы неопределённых местоимений в прибалтийско-финских языках (далее, п.ф.я), основываясь на переводах Евангелия. Использовались переводы на финский, вепсский и ливвиковский диалект карельского языка (северные п.ф.я), литературный эстонский и язык сето (южные п.ф.я.).

К настоящему моменту удалось собрать 174 контекста, где употребляются неопределённые местоимения или функционально близкие к ним единицы. Контексты были распределены на несколько классов в соответствии с функцией местоимения в классификации [Haspelmath 1997], для которого отмечалась его серия. Результаты представлены в таблице ниже.

	Всего примеров	Фин.	Ливв.	Вепс.	Эст.	Сето
SPECIFIC KNOWN	1	<i>-kin</i>			<i>gi</i>	<i>gi</i>
SPECIFIC UNKNOWN	37	<i>-kin</i>	<i>-lienne</i>	<i>-se</i>	<i>-gi</i>	<i>-gi</i>
NON- SPECIFIC,	2	<i>-kin</i>	<i>-tahto</i>	<i>-ni</i>	<i>-gi</i>	<i>-gi</i>

IRREALIS						
QUESTION	2	-Kaan	-tahto	-ni	-gi	-gi
CONDITIONAL	26	Joku(14),	-Немарк.	Немарк.	Немарк.	Немарк.
PROTASIS		kin(12)	(12),	(5), -se (8),	(4),	-gi(11), -gi
			-tahto (3)	-ni (7)	(21)	(14)
STANDARD OF COMPARISON						
INDIRECT NEGATION	3	-kaan	-tahto	-ni (2), -se(1)	-gi	-gi
DIRECT NEGATION	102	-kaan	ni-	ni-	-gi, (9)	ükski-gi, (21) ütski
FREE CHOICE	1	tahansa	-tahto	taht	-gi	-gi

Как видно по таблице, наиболее частотная функция неопределенных местоимений в тексте – прямое отрицание. В большинстве п.ф.я. существуют серии, выражающих исключительно эту функцию. Более внимательное рассмотрение, однако, показывает варьирование относительно того, что именно может выступать лицензором отрицательного местоимения. Так, в ливвиковском и вепском местоимения на *ni-* ведут себя как единицы отрицательного согласования (NCI, см., например [Zeijlstra 2004]) и лицензируются строго в одной клаузе с показателем сентенциального отрицания. В финском местоимения на *-kaan* имеют более широкую дистрибуцию и ведут себя скорее как единицы отрицательной полярности (NPI, см., например [Giannakidou 2011], а также обсуждение клитики *-kaan* как NPI в [Vilkuna 2015]). В частности, возможно их лицензирование каритивным причастием, а также употребление в общем вопросе. Наконец, в эстонском и сето возможно наряду с местоимением на *-gi*, охватывающему все встретившиеся функции, употребление лексемы *ükski* (сето – *ütski*) – ‘даже один’, используемая в тексте при отрицании существования одушевленного индивида.

Протазис условного предложения выступает почти единственным контекстом, где возможно употребление вопросительных местоимений без специального показателя неопределённости во всех языках.

Наконец, во всех языках отмечается сильная тенденция кодировать референтные употребления (функции *specific (un)known*) отдельными лексемами, имеющими семантику неопределённой части множества (например, фин. *Eräs, muut* и т.п.).

Таким образом, можно сделать следующие выводы. 1) в нашей выборке языков прослеживается сильные отличия в

кодировании неопределённых местоимений между северными и южными п.ф.я. ; 2) в северных п.ф.я., серии неопределённых местоимений хорошо дифференцируются по признакам референтности и нахождению с сфере действия отрицания. 3) Отдельного анализа требуют серии местоимения на *-gi* в эстонском и сето, поскольку столь широкая дистрибуция отдельной серии нехарактерна для большей части языков (см. [Haspelmath 1997]).

Литература

- Giannakidou, Anastasia. 2011. “64. Negative and Positive Polarity Items.” In *Handbücher Zur Sprach- Und Kommunikationswissenschaft / Handbooks of Linguistics and Communication Science*, edited by Klaus von Heusinger, Claudia Maienborn, and Paul Portner, 1660–1712. DE GRUYTER. <https://doi.org/10.1515/9783110255072.1660>.
- Haspelmath, Martin. 1997. *Indefinite Pronouns*. Clarendon Press.
- Vilkuna, Maria. 2015. “Negation in Finnish.” In *Typological Studies in Language*, edited by Matti Miestamo, Anne Tamm, and Beáta Wagner-Nagy, 108:457–86. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. <https://doi.org/10.1075/tsl.108.17vil>.
- Zeijlstra, Hedde. 2004. “Sentential Negation and Negative Concord.” Netherlands Graduate School of Linguistics, 2004.
- Кибрик, А.Е. 2003. *Константы и переменные языка*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Плунгян, В.А. 2021. “Конференция «К Построению Базы Данных Универсальных Грамматических Контекстов На Материале Параллельного Корпуса Переводов Нового Завета».” *Родной Язык*, no. 2: 229–38.

Источники

1. Uz' Zavet. Biblijan kändmižen institut. Helsinki, 2006.
2. Uusi Sana livvin kielellä // Vienan Karjala. — 2003.
3. Mi' Issändä Jeesusõ Kristusõ pühä Evangeelium Matvei, Marki, Luka ni Joanni kirotoõt. Seto kirävara. Seto Instituut. Värska. 2013.
4. Pyhä Raamattu (1933/1938).
5. Piibel: Vana ja Uus Testament. Eesti Piibliselts, 1997.

Диалектные особенности глагольной системы горинского нанайского (на материале текстов из архива А. П. Путинцевой)¹

С. А. Оскольская, Н. М. Стойнова
(ИЛИ РАН)

Горинский диалект нанайского языка сформировался в результате контактов носителей одного из северных тунгусо-маньчжурских языков и нанайского языка. На нем говорят в бассейне р. Горин, одного из притоков нижнего Амура. Этому диалекту посвящена диссертация А. П. Путинцевой [1954]. Также некоторые наблюдения есть в грамматике нанайского языка В. А. Аврорина [1959; 1961]. Помимо этого, имеется неопубликованный архив А. П. Путинцевой. Он включает 18 тетрадей с фольклорными текстами, записанными в 1935-1936 гг. Большинство из них получены от носителей горинского нанайского. В рамках доклада на материале этих текстов будет рассмотрен ряд диалектных грамматических черт из области глагольной системы.

Несмотря на свою историю, горинский диалект довольно близок к другим диалектам нанайского по грамматической структуре. Однако текстовые данные (материал архива А. П. Путинцевой) позволяют выявить в том числе и трудноуловимые диалектные особенности.

Ниже приведен список грамматических черт, которые будут подробнее рассмотрены в докладе:

1. Система глагольного отрицания в нанайском языке в целом имеет сильное варьирование по диалектам. Особенности горинского нанайского отмечены в диссертации [Путинцева 1954: 201]. При этом набор форм, зафиксированных в архивных текстах, отличается от тех, что перечислены в диссертации. Формы синтетического отрицания в настоящем и аналитического отрицания в прошедшем являются самыми частотными, как и в найхинском (литературном) нанайском. Помимо этого, встречается отрицательная конструкция, характерная для северных тунгусо-маньчжурских языков: *a-ŋə-s ese-ra* [AUX.NEG-FUT-2SG достичь-CONNEX] ‘ты не достигнешь’. Также зафиксированы отрицательные конструкции, свойственные исключительно горинскому диалекту, например *un-də kəukə* [сказать-CONNEX EX.NEG] ‘он не сказал’.

¹ Данное исследование выполнено при поддержке гранта РНФ 22-28-01336 “Особенности языка и фольклора горинских нанайцев: на материале архива А. П. Путинцевой”.

2. Наряду с гортативным показателем мн. ч. *-gutu*, характерным также и для других диалектов, в горинских текстах в аналогичных контекстах встречается показатель *-gisu*: *xalače-gesu* [ждать-HORT] ‘давай подождем’.

3. В качестве показателя 3 л. мн. ч. в глагольных формах, наряду с ожидаемым *-či*, гораздо чаще, чем в других диалектах, используется суффикс *-l* (тот же, что выступает как показатель множественного числа существительного): *apseŋ-go-xa-l* [лечь.спать-REP-PST-3PL] ‘они легли спать’.

4. Конструкция одновременного деепричастия с глаголом *bi-* ‘быть’ более грамматикализована в горинском, чем в других диалектах: так, в контекстах прошедшего прогрессива она оказывается единственно возможной (*pukčiči-mi bi-či-ni* [бегать-CVB.SIM.SG быть-PST-3SG] {Вышел на марь, посреди которой его излюбр} ‘бегал’).

5. В горинском нанайском гораздо чаще, чем в амурских диалектах, используется глагол *ta-* ‘делать’ в качестве вспомогательного в различных конструкциях. Одна из таких конструкций является основным способом выражения деизидератива: *əna-guj tam-bi* [идти-CVB.PURP-P.REFL.SG делать.ASSERT.NPST-1SG] ‘я хочу пойти’. Кроме того, глагол *ta-* используется в качестве бытийной связки в эмфатических контекстах: *naj tam-bi* [человек делать.ASSERT.NPST-1SG] ‘я человек’.

Таким образом, несмотря на то, что в горинском диалекте мало заметных особенностей, отличающихся по форме (например, показателей, не зафиксированных в других диалектах), некоторые диалектные черты проявляются на уровне употребления той или иной конструкции: конструкция может использоваться более частотно или с другим набором контекстов. Такие диалектные отличия оказывается возможным проследить на материале текстов.

Литература

- Аврорин В.А. Грамматика нанайского языка. Т. 1. М., Л.: Наука. 1959.
- Аврорин В.А. Грамматика нанайского языка. Т. 2. М., Л.: Наука. 1961.
- Путинцева А.П. Морфология говора горинских нанай. Дисс. канд. филол. наук. Ленинград. 1954.

Список условных сокращений

ASSERT — утвердительное наклонение; AUX — вспомогательный глагол; CONNEG — коннегатив; CVB — деепричастие; EX — экзистенциальный показатель; FUT — будущее время; HORT — гортатив; NEG — отрицание; NPST — непрошедшее время; P — притяжательный показатель; PL — множественное число; PST — прошедшее время; PURP — целевой показатель; REFL — рефлексив; REP — рефактив; SG — единственное число; SIM — одновременность.

Адвербиальный местный падеж в тунгусо-маньчжурских языках

А. М. Певнов
(ИЛИ РАН)

Чтобы избежать тавтологии («в тунгусо-маньчжурских языках к локативным падежам относятся локатив, аблатив, аллатив, ...»), для конкретных локативных падежей далее будут применяться русские термины, в частности, «местный падеж».

В наречиях тунгусо-маньчжурских языков (за исключением маньчжурского и, вероятно, чжурчжэньского) представлены рефлексы показателя местного падежа *-ну, ср. удэгейское *гō-ну* 'далеко, вдалеке', эвенское *барги-н* 'на той стороне', эвенкийское *амарй-н* 'недавно, на днях' (в эвенском и эвенкийском узкий гласный в исходе морфем закономерно отпал). В нанайском и ульчском, а также в хадинском диалекте ороцкого языка следы адвербиального местного падежа сохранились лишь в показателе адвербиального исходного падежа, восходящего к составному аффиксу *-ну-ки: ср. ороцкое хадинское *гō-нуи* (< **горо-нуки*) 'издалека', нанайское *горо-нуки* (< **горо-нуки*) 'издалека', ульчское *тава-нчи* (< **тава-нуки*) 'оттуда, с тех пор'. Кстати, для тунгусо-маньчжурских языков (как и для многих других) термин «наречия места» не совсем приемлем, так как эти наречия могут относиться не только к пространству, но и ко времени (эвенк. *амарй-н* 'недавно, на днях', ульчское *тава-нчи* 'оттуда, с тех пор' и т.д.).

В именной падежной парадигме тунгусо-маньчжурских языков соответствующие по значению показатели иные — они восходят к *-лаṭ-лэṭ-лоṭ (местный падеж) и к *-дӯ (дательного-местный падеж). Иногда тунгусо-маньчжурские именные локативные

аффиксы могут оформлять наречия места (например, в ольском говоре эвенского языка допустимо как *һоли-н*, так и *һол-ла* ‘в верховьях реки’), однако показатель адвербиального местного падежа, восходящий к **-ну*, является совершенно чуждым для именной падежной парадигмы.

При помощи показателя адвербиального местного падежа образованы самоназвания эвенов (*эвэ́н*) и сымских эвенков (*эвэ́н*), а также автоэтноним некоторых групп эвенков (*эвэ́нкий*). Аффикс *-кй* в эвенкийском автоэтнониме, по-видимому, тот же, что в эвенкийском слове *аунакй* ‘человек, относящийся к другому роду, к другой национальности’. Основа *эвэ-* образована от корня *э-* ‘этот’ (ср. эвенк. *эвэ-скй* ‘сюда’). Буквально эти тунгусские самоназвания означали ‘здесьшний’. Вероятно, этноним *эвэн* первоначально употреблялся в словосочетании **эвэ-н би-сй* ‘здесь находящийся, здесь живущий’ (ср. эвенское аллаиховское *дуола биһи ~ до́ла биһи* ‘медведь’ [Дуткин 1995: 96], букв. ‘внутри (берлоги?) находящийся’). Аналогичный эллипсис характерен для эвенкийского *ту́йи*! (так прогоняют собаку) < **ту́йи би́кэл!* ‘снаружи будь’ (*-н* в слове *ту́йи-н* является показателем адвербиального местного падежа), а также для эвенкийского *дй́лэ!* ‘отодвинься от огня!’ (< **дй́-лэ́ би-кэл!* ‘ближе к стенке чума (дальше от огня) будь!’), где аффикс *-лэ́* выступает показателем местного падежа. Ср. также эвенские аллаиховские *ама́йри́н* ‘посторонись, отойди’, *бу́гин* ‘отойди, отстань’ [Дуткин 1995: 90].

В позднем тунгусо-маньчжурском праязыке, существовавшем после отделения маньчжурской ветви от базисного праязыка, можно реконструировать не только адвербиальный показатель местного падежа **-ну*, но также составной показатель адвербиального исходного падежа **-ну-ки* и показатель адвербиального направительного падежа **-си*. В именной парадигме соответствующие падежи оформлялись иными аффиксами: **-ду-ки* (исходный падеж) и **-ти* (направительный падеж).

Наличие адвербиальной серии локативных падежей характерно также для монгольских языков.

Литература

Дуткин 1995 – Х.И.Дуткин. Аллаиховский говор эвенов Якутии. СПб.: Наука, 1995.

Пассив в удэгейском языке

Е. В. Перехвальская
(ИЛИ РАН)

Введение. Пассивный залог - это понижение роли Агенса с выдвижением Пациенса в ведущую синтаксическую позицию (Подлежащее). «Во многих языках, вероятно, в большинстве языков мира, пассивизация (продвижение не-агенса в основную позицию в предложении) требует удаления основного агенса» (Givón 1979: 30).

Удэгейский язык отчасти опровергает такое обобщение.

Форма. Формы пассива представлены в удэгейском языке 1) финитными и нефинитными глагольными формами с суффиксом *-u-* 2) перфектным пассивным причастием с суффиксом *-sA*.

Формы пассива могут быть образованы от большинства глаголов. Перед нами регулярная деривация: ср. *duktə-* ‘бить’ ~ *duktə-u-* ‘быть побитым’; *gakpa-* ‘стрелять’ ~ *gakpa-u-* ‘быть застреленным’; *diga-* ‘есть’ ~ *diga-u-* ‘быть съеденным’. Есть глаголы, не имеющие не-пассивной пары: *dogbo-u-* ‘быть застигнутым ночью’, *sikiə-u-* ‘быть застигнутым вечером’, *gəkti-u-* ‘замерзнуть’.

В пассивном предложении агент маркирован дативом:

- (1) *Si min-du gakpa-u-ʒə-hi!*
2SG 1SG-DAT стрелять-PASS-OPT-2SG

‘Я тебя застрелю!’ (Букв.: “Ты немедленно будешь мною застрелен”).

Пассив и шкала одушевленности. В соответствии с иерархией одушевленности М. Сильверстейна, в языках мира возможность выражения Агенса в пассивном предложении часто ограничена и зависит от степени его одушевленности: Местоимение – Человек – Одушевленное существо – Природное явление – Предмет.

Конструкции с финитным глаголом в пассиве. В удэгейском языке в пассивных конструкциях с финитным глаголом эксплицитно выраженный агент (маркированный дативом) может принадлежать к любой из указанных групп: это может быть и явление природы, и неодушевленный предмет. Напротив, пациент (подлежащее предложения с глаголом в пассиве) может принадлежать только первым двум членам иерархии одушевленности: личное местоимение или человек. В моем корпусе не было «пассивных предложений», где Подлежащее/Пациент был бы выражен существительным, обозначающим животное, явление

природы или предмет (за исключением случаев персонификации в сказках).

- (2) *Sina-di-i* *diŋə-u-gə-i!*
носилки-DAT-REFL давить-PASS-PERF-1SG

‘Я своими носилками придавлен!’

Адверсативное значение. Пассивные конструкции с финитным глаголом в пассиве имеют адверсативное значение, ср. список наиболее частотных глаголов, употребляющихся в пассиве: *wa-u-* ‘быть убитым’, *gidala-u-* ‘быть пронзенным копьем’, *gakpa-u-* ‘быть застреленным стрелой’, *mäusa-u-* ‘быть расстрелянным’, *duktə-u-* ‘быть избитым’, *akinda-u-* ‘быть убитым гарпуном’ и т.п.

Пассивные причастия.

Конструкции с пассивными причастиями значительно отличаются от конструкций с финитным глаголом: 1) не могут иметь эксплицитно выраженного агенса; 2) не имеют ограничений на одушевленность пациенса; 3) не несут адверсативного значения.

Эти касается и случаев, когда причастие является частью сложного сказуемого:

- (3) *Jat'au* *oo-so* *bi-mie* *bi-si-ni*
родильный.шалаш делать-PPASS быть-GER быть-PST-3SG

‘Родильный шалаш был уже сделан.’

Пассивные причастия настоящего и будущего времени выражают модальные значения, главным образом, деонтическую модальность:

- (4) *Aŋta-n* *cul* *hekuhi* *silə-zi* *kunə-si-uji*
рот-3SG прямо горячий суп-INSTR лить-IMP-PASS.PRPR

‘Прямо в пасть надо лить горячий суп’ («вредные советы»).

Формы с пассивными причастиями настоящего (суфф. *uji*) и будущего (суфф. *изАηА*) времени в значительной степени утратили пассивное значение и стали основными средствами выражения деонтической модальности.

Вывод. В удэгейском языке есть два типа пассивных конструкций. Конструкции, в состав которых входят формы с суффиксом *-u-*, как финитные, так и нефинитные, не передают канонического пассива. Финитные формы и герундий имеют адверсативное значение, а причастия – модальное значение. Это

объясняется историей происхождения этих форм. Собственно пассивными можно считать лишь формы причастий с суфф. -sA.

Нефинитные риторические вопросы в системе нефинитных форм казымского диалекта хантыйского языка¹

В.А. Поцелуев
(НИУ ВШЭ)

Настоящее исследование посвящено анализу нефинитных риторических вопросов (НРВ) в казымском диалекте хантыйского языка.

Пример НРВ можно наблюдать в (1), где в риторическом вопросе используется нефинитная форма с посессивным показателем, согласующимся с подлежащим собственной клаузы. Эта же нефинитная форма может употребляться в миративных клаузах типа (2).

- (1) *waśa-jen* *χuɫta* *mǎn-t-aɫ* *wə-sʔ*
B.-POSS.2SG куда идти-NFIN.NPST-POSS.3SG быть-PST.[3SG]
'Куда Васе было деться?'

- (2) *want-e,* *ɭw* *uɫ-t-aɫ*
смотреть-IMP.SG.SG он спать-NFIN.NPST-3SG
'Смотри, он оказывается спит' [Голосов 2018].

Известно, что маркер миратива может грамматикализироваться в маркер риторического вопроса (e.g. в баскском [Alcázar 2017]). Однако мы считаем, что в хантыйском омонимия этих форм случайна, и наиболее близкими по свойствам к конструкции (1) являются не миративные клаузы, а русалочные конструкции² (РК) типа (3). Для таких конструкций характерным является наличие копулы и имени с зависимой клаузой.

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Языки народов России: морфосинтаксис во взаимодействии с другими модулями языка», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 году.

² Термин для хантыйского языка предложен А. Шикиновой [Shikunova 2022] вслед за [Tsunoda 2020] для японского.

- (3) *ma ari-ti śir-əm wəλ*
 Я петь-NFIN.NPST возм.-POSS.1SG быть.NPST.[3SG]
 ‘Я могу петь’ [Shikunova 2022].

В пользу нашей гипотезы говорят следующие аргументы: во-первых, и в (1), и в (3) обязательно присутствие копулы, в то время как в миративную клаузу нельзя поместить копулу (4).

- (4) *ašem ul-t-aλ (*wəλ)*
 отец-POSS.1SG спать-NFIN.NPST-3SG быть.NPST.[3SG]
 Ожид. знач.: ‘Оказывается мой отец спит’.

Во-вторых, как в РК, так и в НРВ нефинитность может быть выражена только показателем нефинитности непрошедшего времени *-ti*. Миративные клаузы могут свободно изменяться по времени и употребляться с аффиксом нефинитности прошедшего времени *-əm* (5).

- (5) *man-m-aλ*
 идти-NFIN.PST-POSS.3SG
 ‘Он ушел (по всей видимости)’ [Голосов 2018] со ссылкой на [Nikolaeva 1999].

В-третьих, НРВ обладает модальной семантикой. Так, предложение (1) можно интерпретировать, используя выраженный модальный оператор возможности: ‘Куда Вася *мог* деться?’. В то же время в РК в качестве именной части конструкции часто используются модальные слова как в (3). Что касается миратива, то он не входит в стандартный набор модальных значений и явно отличается по своей семантике от модальности в примерах (1), (3).

Опираясь на вышеизложенные факты, мы считаем, что НРВ и РК являются одной конструкцией и, что синтаксическая структура НРВ должна быть такой же, как и у РК с той разницей, что в структуре НРВ должно присутствовать нулевое модальное имя.

Такой анализ позволяет объяснить расхождения в синтаксисе НРВ и миративных клауз. Например, от НРВ в отличие от миративной клаузы нельзя образовать пассив¹ (6)-(7).

- (6) **χuj-ən śi kińśa seŋk-t-(aλ) wə-s?*
 кто-LOC DEM кроме ударить-NFIN.NPST-POSS.3SG быть-PST[.3SG]
 ‘Кому ещё было его ударить?’

¹ В представленных примерах пассив характеризуется агенсом в косвенном падеже.

(7) *pet'a-jen* *χujat-ən* *woš-ən* *want-əm*
 П.-POSS.2SG кто.INDEF-LOC город видеть-NFIN.NPST-POSS.3SG
 'Оказывается, кто-то увидел Петю в городе' [Starchenko et al. 2022].

Так как НРВ являются случаем РК, мы ожидаем, что они будут вести себя похожим образом и, действительно, образование пассива от РК оказывается затруднено (8).

(8) *%mɨŋ* *aŋke-λ-aw-ən* *λapət-ti* *śir-ew*
 мы мать-PL-POSS.1PL-LOC кормить-NFIN.NPST возм.-POSS.1PL

wəλ

быть.NPST[.3SG]

'Мы можем быть накормлены нашими родителями' [Шикунова 2021]

В докладе мы постараемся более подробно обсудить структуру НРВ в сравнении с другими употреблениями нефинитных форм.

Список условных сокращений

2, 3 – лицо; LOC – локатив; DEM – демонстратив; NFIN – нефинитность; POSS – посессив; NPST – непрошедшее время; PST – прошедшее время; SG – единственное число

Литература

- Голосов, Ф. (2018). Миративность под маской эвиденциальности: о семантике некоторых глагольных форм казымского хантыйского // Первая конференция по уральским, алтайским и палеоазиатским языкам. Памяти А. П. Володина. Тезисы докладов международной научной конференции. Санкт-Петербург 6—8 декабря 2018 г. СПб. : Институт лингвистических исследований РАН, 2018. С. 29-31.
- Шикунова, А. С. (2021). Неопубликованные экспедиционные материалы.
- Starchenko, A., Toldova, S., Slioussar, N. (2022) The mirative construction in Kazyim Khanty. // Talk at the seminar of the laboratory of formal models in linguistics. NRU HSE, Moscow
- Alcázar, A. (2017). A syntactic analysis of rhetorical questions. In Proceedings of the 34th West Coast Conference on Formal Linguistics (pp. 32-41). Somerville, MA: Cascadilla Press.

- Shikunova, A. (2022). Mermaid construction: a case of Kazym Khanty. // Poster presentation at ConSOLE 30 (30th Student Organization of Linguistics in Europe)
- Tsunoda, T. (2020). Mermaid construction: An introduction and summary. In Mermaid Construction: A compound-predicate construction with biclausal appearance. De Gruyter, 1-62.

(Не)определенность безартиклевых ИГ в двух тюркских языках

П. О. Россыйкин

(МГУ им. М. В. Ломоносова)

Введение

Существуют различные подходы к анализу именных групп (ИГ) в безартиклевых языках. Две крайности представлены в (1).

(1) а. Они всегда либо определенные, либо реферируют к классам (в позиции объекта могут быть неопределенными, инкорпорируясь в глагол¹) [Dayal 2004, 2018]

б. Они всегда неопределенные [Heim 2011; Borik 2016; Seres 2020]

В этой работе мы постараемся ответить на вопрос, какой анализ верен для двух близкородственных тюркских языков – балкарского (черекский диалект) и кумыкского (терский диалект, существенно отличающийся от дагестанских диалектов)².

Аргументы в пользу определенности

«Голые» (безартиклевые) ИГ в позиции субъекта проявляют свойство уникальности/максимальности, что свидетельствует об определенности. Присутствие нескольких возможных референтов делает предложение аномальным для некоторых носителей (2). Предложение становится приемлемым при добавлении числительного *bir* ‘один’ (в тех случаях, когда примеры имеются для

¹ Поэтому примеры с ИГ в позиции прямого объекта здесь не рассматриваются.

² Данные собраны методами эlicitации и оценки приемлемости при работе с носителями в ходе экспедиций ОТиПЛ МГУ в селах Верхняя Балкария (Кабардино-Балкарская Республика) и Предгорное (Республика Северная Осетия — Алания) в 2021 и 2022 году соответственно.

обоих языков, приводится пример из балкарского, иначе – из кумыкского).

(2) (балкарский)

stol-da iŋ alma bla beŋ ulkum tur-a e-di-le.
стол-LOC 3 яблоко с 5 лакум стоять-IPFV AUX-PST-PL
%(Bir) alma tüş-dü.
1 яблоко падать-PST.3SG

‘На столе было 3 яблока и 5 лакумов. (Одно) яблоко упало.’

«Голые» ИГ также проявляют свойство гомогенности, в частности не допускают утверждение противоречащих свойств, что также указывает на определенность (3).

(3) контекст: ‘что происходит во дворе?’ (балкарский)

#it zuqla-j-di (bla) it ür-e-di.
собака спать-IPFV-3SG с собака лаять-IPFV-3SG
1. #‘Собака спит и (та же) собака лает одновременно.’
2. #‘Собака то спит, то лает.’

Аргументы в пользу неопределенности

«Голые» ИГ допустимы в тетических утверждениях, полностью состоящих из новой информации. Поскольку определенные ИГ в таких случаях должны быть неграмматичны в силу отсутствия введенного ранее референта, (4) говорит в пользу неопределенности.

(4) (здесь и далее кумыкский)

ne bol-kan? – mašin qapı-la-ka gir-gen.
чтобыть-PFCT машина дверь-PL-DAT входить-PFCT
‘Что случилось? – Машина врезалась в ворота.’

Кроме того, ИГ без артикля допускают дистрибутивную интерпретацию в сфере действия универсального квантора (5), что несовместимо с определенностью, поскольку нарушало бы presupпозицию уникальности.

(5) *kar iŋ-de jaŋ ojna-j*
каждый дом-LOC ребенок играть-IPFV
‘В каждом доме играет ребенок.’

Также они допускают как *de dicto* (6a), так и *de re* (6b) интерпретацию в предложениях с интенциональными предикатами. Поскольку определенные ИГ не имеют сферы действия, существование двух интерпретаций при таком анализе не ожидается.

- (6) *fatima doxtor-ka er-ge bar-ma-ka süj-e.*
 Фатима доктор-DAT муж-DAT идти-INF-DAT хотеть-IPFV
 ‘Фатима хочет выйти замуж за врача’ (хочет > ∃ врач).
 а. ... *Tek qajsi doxtor-ka bar-žak-i-n bil-mi.*
 но какой доктор-DAT идти-FUT-3-ACC знать-NEG.IPFV
 ‘... Только не знает, за какого врача она выйдет’ (∃ врач > хочет).
 б. ... *O mozlek-de jaša-j*
 тот Моздок-LOC жить-IPFV
 ‘... Он живет в Моздоке.’

Выводы

Из указанных данных можно сделать два вывода. Во-первых, свойства «голых» ИГ в кумыкском (и, предположительно, балкарском) полностью совпадают с оными в некоторых других, неродственных им безартиклевых языках (хинди, русском) [Dayal 2004, 2018; Borik 2016]. Во-вторых, ИГ без артикля проявляют смешанные свойства, которые, однако, можно анализировать в теории (16) (учитывая информационную структуру и другие факторы) и которые несовместимы с теорией (1а).

Список условных сокращений

3 – посессивность 3-го лица	IPFV – имперфектив
3SG – согласование 3-го лица ед.	LOC – локатив
ч	
ACC – аккузатив	NEG – отрицание
AUX – вспомогательный глагол	PFCT – перфект
DAT – датив	PL – множественное число
FUT – будущее время	PST – прошедшее время
INF – инфинитив	

Литература

- Borik Olga. Constraints on the position and interpretation of bare singular indefinites in Russian // *Linguistica*. — 2016. — Vol. 56, no. 1. — P. 9–23.
- Dayal Veneeta. Number marking and (in)definiteness in kind terms // *Linguistics and Philosophy*. — 2004. — Vol. 27, no. 4. — P. 393–450.
- Dayal Veneeta. (In)definiteness without articles: diagnosis, analysis, implications // *Trends in Hindi Linguistics*. — 2018. — P. 1–26.
- Heim Irene. Definiteness and indefiniteness // *Semantics: An International Handbook of Natural Language Meaning* / Ed. by Klaus von Heusinger, Claudia Maienborn, Paul Portner. — De Gruyter, 2011. — P. 996–1025.

**Текущее состояние системы указательных местоимений
в михайловском говоре по данным полевых исследований**

А. А. Сахарова
(РГГУ)

Доклад будет посвящён описанию системы демонстративов в михайловском говоре людиковского наречия карельского языка. Материал для доклада был собран в экспедиции в с. Михайловское, Республика Карелия, в июне 2022 г.

Для систем демонстративов характерна оппозиция проксимального, медиального и дистального дейксиса. Системы, включающие только проксимальный и дистальный дейктики называются двухчастными; включающие также медиальный — трёхчастными соответственно [Diessel 2005]. Грамматика карельского языка [Зайков 1999], которая основывается на собственно карельском говоре, постулирует следующую систему:

	Проксимальный	Медиальный	Дистальный
Ед. число	<i>tāmā</i>	<i>se</i>	<i>tuo</i>
Мн. число	<i>nāmā</i>	<i>ne</i>	<i>nuo</i>

Словарь ливвиковского диалекта [Макаров 1990] также постулирует трёхчастную систему, где проксимальный и медиальный дейктики совпадают с карельскими, в то время как дистальный дейктик представлен в двух вариантах *tai* и *tua*.

Задачей исследования было изучение системы демонстративов людиковского наречия, точнее говора с. Михайловское. Грамматики людиковского наречия на данный момент не существует, информацию о системе демонстративов этого наречия найти не удалось, поэтому первичной задачей было собрать данные о системе в целом, а затем изучить, как распределяется употребление выявленных единиц в зависимости от различных факторов.

Первичные данные были получены проверкой системы из грамматики, а для изучения распределения указательных

местоимений в речи был использован ряд методов, чередующих формальный и экспериментальный подходы.

Как показало исследование, дистальное указательное местоимение карельской системы в говоре села Михайловское практически полностью исчезло. Система демонстративов современного людиковского оказалась двухчастной, а не трёхчастной. Карельский дистальный демонстратив *tu* почти не используется, его функции перенял на себя бывший медиальный дейктик *se*. Проксимальное местоимение функционирует так же, как в карельском, является самым частотным и используется в контексте простого указания на один референт, часто даже если он удалён от дейктического центра, а потому его можно назвать немаркированным элементом системы.

Se, занявший место дистального дейктика отличается меньшей частотностью употребления. Не все информанты смогли самостоятельно породить его, даже при переводе с русского, хотя ожидалось, что они будут пытаться повторить контраст русских местоимений *этот* и *тот*. Часть информантов не чувствовали необходимость в контрасте как для двух, так и для трёх референтов и утверждали, что можно использовать *tämä* для любого объекта вне зависимости от степени удалённости. Более того, информанты активно использовали для разграничения референтов числительные *ezmaine* – первый, *toine* – второй, *kolmač* – третий и локализирующие наречия и существительные *šiga* – там, *rindal* – рядом, *keskučas* – в середине. Однако, *se* используется для разграничения референтов и в диалоге, и в нарративе, а также получил одобрение от всех информантов.

Данные полевого исследования говорят о том, что система демонстративов наречия в с. Михайловское уже пережила значительное упрощение, утратив один элемент. В будущем это может произойти и с карельским медиальным дейктиком *se*. Основания для такого ожидания состоят в том, что мы уже можем наблюдать значительно меньшую частотность его употребления по сравнению с *tämä*. В докладе планируется подробнее рассмотреть, как именно *tämä* расширяет зону влияния, вытесняя *se*, и какие факторы вынуждают использовать *se*.

Литература

- Зайков П.М. Грамматика карельского языка: фонетика и морфология
Петрозаводск: Периодика, 1999. – 120
Ростовцев-Попель А.А. Типология демоснстративов: средние дейктики // Вопросы языкознания 2009, 22-34

- Макаров Г.Н. Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). Петрозаводск: «Карелия», 1990
- Diessel, Holger. Distance contrasts in demonstratives. In Haspelmath, Martin & Dryer, Matthew & Gil, David & Comrie, Bernard (eds.) // World atlas of language structures. Oxford University Press 2005, 170–173

Компаративный суффикс -ges в глагольных конструкциях: данные татышлинского удмуртского¹

*Ю. В. Синицына
(МГУ им. М. В. Ломоносова)*

Объектом исследования, выполненного на материале татышлинского говора удмуртского языка, является компаративный суффикс -ges. Материал собран в Татышлинском районе Республики Башкортостан (д. Старый Кызыл-Яр, с. Нижнебалтачево, с. Новые Татышлы и др.) в 2021-2022 гг. методом анкетирования. Также использовался корпус татышлинского удмуртского (<http://udmurt.web-corpora.net/tatyshly/>).

В грамматических описаниях (см. [ГСУЯ 1962: 137] о литературном удмуртском; [Baidoullina 2003: 62] о татышлинском говоре) -ges описывается как суффикс сравнительной степени. Д. А. Ефремов [2002: 30] отмечает его возможность указывать на сниженную степень признака — далее мы будем называть такое значение аттенуативным вслед за исследованием [Черемисинова 2019] на материале бесермянского удмуртского.

Помимо прилагательных и наречий, суффикс -ges может маркировать глаголы, существительные, послелogi и местоимения [Ефремов 2002: 28, 31].

Мы проанализируем употребление -ges с глаголами. Как указано в [Winkler 2001: 41], в этом случае суффикс -ges может указывать как на превышение степени (*vala-sal-mi-ges* [понимать-KOND-1PL-QUANT] ‘мы бы поняли это (немного) лучше’), так и на сниженную степень осуществления ситуации (*viši-ško-ges* [болеть-PRS/1SG-QUANT] ‘(я) немного болею’)². При этом отмечается, что

¹ Исследование поддержано грантом РНФ № 22-18-00285 «Скалярность в грамматике и словаре: семантико-типологическое исследование».

² В примерах сохранена авторская запись и глоссы. Значения форм переведены нами с английского языка.

интерпретация зависит от контекста, но конкретные влияющие на нее факторы неясны

Мы предполагаем, что интерпретация может зависеть, во-первых, от акциональной характеристики глагольной формы, а во-вторых, от семантики самого глагола. Мы рассмотрели глаголы, принадлежащие разным акциональным классам¹. Для каждого из них отдельно учитывались положительные и отрицательные формы.

Аттенуативная интерпретация оказалась доступна для положительных форм стативного глагола *vis'ə̃nə* ‘болеть’ (1). В то же время она невозможна, например, у глагола *ǎʒanə* ‘верить’, принадлежащего к классу <ES; S> (2). Компаративная интерпретация допустима со всеми рассмотренными акциональными классами (ср. вторую интерпретацию в (1)).

Внутри одного акционального класса может наблюдаться неоднородность в плане наличия аттенуативной интерпретации или в целом допустимости положительной формы глагола с *-ges*. Ср., например, отсутствие аттенуативной интерпретации у стативного глагола *kəl'ʔə̃nə* ‘лежать, находиться’, не описывающего, в отличие от глагола *vis'ə̃nə* ‘болеть’, физиологическое состояние человека.

Большая однородность как внутри одного класса, так и среди всех классов наблюдается при присоединении *-ges* к отрицательным формам. Так, глагол *pöz'ə̃nə* ‘кипеть’, относящийся к классу <ES P; P> и не сочетающийся с *-ges* в положительной форме, имеет в этом случае интерпретацию недостижения точки перехода в новое состояние (3).

В докладе мы обсудим как фактор акционального класса глагола, так и другие семантические ограничения на сочетаемость с *-ges* — например, наличие инкрементальной темы или свойства (см., среди прочих, [Татевосов 2015 136–141]); семантику физиологического состояния.

- (1) *mon tuinne vis'-is'ko-Ø -ges.*
я сегодня болеть-PRS-1SG-CMPR
‘Мне сегодня нездоровится (букв.: Я сегодня побаливаю)’.
‘Я болею сильнее (чем Петя)’.

- (2) *mon tənəd ǎʒan-is'ko-Ø-ges*
я ты.DAT верить-PRS-1SG-CMPR
‘Я тебе больше верю / *не доверяю’.

¹ Акциональная интерпретация глагола в перфективной форме кодируется символами до точки с запятой; в имперфективной форме — символами после точки с запятой. Подробнее см. [Татевосов 2015, 2016].

- (3) *vi' öz-ges bə'rektə.*
 вода NEG.PST.3-CMPR кипеть
 'Вода еще не вскипела (вот-вот закипит)'.

Список условных сокращений

1,3 — лицо; CMPR — компаратив, DAT — датив, ES — вхождение в состояние, NEG — отрицание, P — процесс, PRS — настоящее время, PST — прошедшее время, SG — единственное число.

Литература

- ГСУЯ — Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология / Удм. НИИ ист., экон., яз. и лит.; Отв. ред. П. Н. Перевозчиков. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962.
- Ефремов Д. А. Грамматические свойства имени прилагательного в удмуртском языке. Дисс. ... кандидата филологических наук. Ижевск. 2002.
- Татевосов С. Г. 2015. Акциональность в лексике и грамматике. Глагол и структура события. М.: Языки славянских культур.
- Татевосов С. Г. 2016. Глагольные классы и типология акциональности. М.: Языки славянской культуры.
- Черемисинова М. О. Компаративно-аттенуативная полисемия в бесермянском удмуртском // М. Б. Коношенко, Е. А. Лютикова, А. В. Циммерлинг (ред.). Типология морфосинтаксических параметров. Т. 2, Вып. 2. 2019. 128–150
- Baidoullina A. Татышлинский говор удмуртского языка: фонетика и морфология. Magistritöö. Tartu: Tartu Ülikool, 2003.
- Winkler E. Udmurt. München: Lincom Europa, 2001.

Некоторые венгерские причастные обороты в сравнении с уральскими и алтайскими

Жолт Том

(Institute for Hungarian Studies, Budapest)

В прошлом венгерский язык выражал синтаксическое подчинение в основном с помощью нефинитных оборотов, то есть нефинитными глагольными формами и синтаксически подчинёнными им словами. В течение веков применение

нефинитных оборотов стало гораздо более редким, а применение сложноподчинённых предложений «индоевропейского типа», то есть с помощью союзных слов, стало доминирующим. Однако образование определительных нефинитных оборотов осталось продуктивным. Широкое использование нефинитных оборотов было характерным не только для венгерского языка, но и для остальных финно-угорских языков, и до сих пор осталось значительным в финно-угорских языках Поволжья и Сибири. Синтаксис алтайских языков показывает сходство высокой степени и типологическое соответствие с финно-угорскими языками в области нефинитных оборотов. Нефинитные обороты, которые состоят из тех же самых элементов или образованных по одному принципу, появляются на расстоянии много тысяч километров друг от друга. Сравнение этих конструкций имеет значение не только с точки зрения сравнительно-исторического языкознания, но и с точки зрения теоретической лингвистики, потому что, учитывая аналогии, можно легче прояснить некоторые вопросы синтаксиса и морфологии. Например, в современной венгерской грамматической литературе стало общепринятым характеризовать нефинитные обороты как придаточные предложения, а в морфологии называть прошедшее причастие с притяжательным суффиксом как *igei igenév* 'глагольное отглагольное имя' или *igenév-ige* 'отглагольное имя-глагол'. Эти заявления нельзя считать обоснованным в свете уральских и алтайских параллелей. По их структурам, самыми многообразными являются причастные обороты с функцией временного обстоятельства. Конструкции, выражающие преждевременность, одновременность или предшествование, встречаются практически в каждом финно-угорском и уральском языке.

Например, нефинитный оборот, содержащий прошедшее причастие и послелог со значением 'после' (напр., *a termék megérkezte után* 'после прибытия продукта'), встречается во многих уральских и алтайских языках, и аналогии иноязычных примеров указывают на то, что *megérkezte* является именно прошедшим причастием с притяжательным суффиксом 3sg. Венгерская конструкция *-(t)tA után* (=ptcp.prf+px+pp) 'после (происхождения чего-то)' имеет эквиваленты, в том числе, в удмуртском, марийском и турецком языках. (В марийском послелог имеет управление аблативным падежом, как и в турецком.)

удмуртский: **-em(+Px) bere** (ptcp.prf+(px) pp *after*); **-em bere(+Px)** (ptcp.prf + pp *after*+(px))

Pinal-jos košk-em bere, tatın mezmıt lu-i-z
ребёнок-PL уйти-PTCP.PRF после здесь скучный быть-PST1-3SG
'После того как дети ушли, здесь стало скучно.' (Csúcs 1990, 65)

лугово-марийский: **-mE(+Px) deč wara** (=ptcp.prf(+px) +abl +pp *после*)
Eñer-ə̃m kəlm-ə̃kt-ə̃me deč wara me kon'ki dene
река-ACC замерзнуть-CAUS-PTCP.PRF ABL после 1PL коньки с
košt-ə̃h-na
ходить-PST2-1PL

'После того, как речку заморозило, мы катались на коньках.'
(Сердобольская 2008, 64)

турецкий: **-DiktAn sonra** (=ptcp.prf+abl + pp *после*)
Bu ülke-yi ve insan-lar-ı tanı-dık-tan sonra
это страна-ACC и человек-PL-ACC познать-PTCP.PRF-ABL после
sev-me-ye başla-dı-m
любить-INF-DAT начать-DEF.PST-1SG

'После того как познал эту страну и людей, начал их любить.'
(Açıksöz et al. 2002, 178)

Бывают параллели не только среди обстоятельственных и определительных подчинительных конструкций, но и среди дополнительных оборотов. Венгерская конструкция, состоящая из прошедшего причастия и суффикса винительного падежа, **-(t)tÁt** (=ptcp.prf+px+acc) имеет эквиваленты, в частности, в марийском, финском и монгольском языках.

лугово-марийский: **-m(+Px)ə̃m** (=ptcp.prf(+px)+acc)
Awa-že joča-n peledəš kürešt-m-ə̃m onč-a
мать-PX.3SG ребёнок-GEN цветок рвать-PTCP.PRF-ACC смотреть-PRS.3SG
'Мать смотрит, как ребёнок рвёт цветы.' (Сердобольская 2008, 68)

финский: **-Neen(+Px)** (=ptcp.prf.act+acc(+px))
Leena kerto-i Tiina-n nous-see-n juna-an
Лена сказать-PST.3SG Тина-GEN войти-PTCP.PRF-ACC поезд-ILL
'Лена сообщила, что Тина вошла в поезд.' (Журавлева 2009, 186)

монгольский: -s(A)niig (=ptcp.prf+acc)

Tüüinii ix_surguul' deer ir-sn-iig bi
3SG(GEN) университет на прийти-PTCP.PRF-ACC 1SG

med-ee-güi

знать-PTCP.IPF-NEG

'Я не знал, что он пришёл в университет.'

Анализ других конструкций тоже подтверждает высокую степень типологического сходства венгерских, уральских и алтайских нефинитных оборотов, причина которого не рассматривается в данной презентации, но можно исключить случайное совпадение или крупномасштабное заимствование.

Также существует тенденция, что прошедшее причастие может выполнять роль имени действия (*nomen actionis*) во многих языках, особенно если за ним следует падежный суффикс или послелог (или оба). Это явление наблюдается независимо от того, существует ли отдельная форма для выражения имени действия в данном языке, как, например, венг. -ás/-és или мар.-maš.

Литература

- Журавлева 2009 – Журавлева А. Н.: *Финская грамматика в таблицах и схемах*. КАРО, Санкт-Петербург, 2009.
- Сердобольская 2008. – Сердобольская Н. В.: Факторы оформления субъекта при номинализации в марийском и коми-зырянском языках. In: *Типология аргументной структуры и синтаксических отношений. Труды международного симпозиума КГУ*. Казань, 2008. 64–77.
- Açıksöz et al. 2002 – E. Açıksöz, E. Zeytin, S. Doğan (eds.): *Hitit: Yabancılar İçin Türkçe*. Ankara Üniversitesi Basımevi, Ankara, 2002.
- Csúcs 1990 – Csúcs Sándor: *Chrestomatia votiacica*. Tankönyvkiadó, Budapest, 1990.
- Dékány 2004 – Dékány Éva: A nem véges alárendelés (az igenevek) története. In: É. Kiss Katalin (szerk.): *Magyar generatív történeti mondattan*. Akadémiai Kiadó, Budapest, 2004. 177–238.
- Haspelmath & König 1995 – Martin Haspelmath & Ekkehard König (eds.): *Converbs in Crosslinguistic Perspective: Structure and Meaning of Adverbial Verb Forms – Adverbial Participles, Gerunds*. (Empirical Approaches to Language Typology, 13.) Mouton de Gruyter, Berlin, 1995.

- Károly 1956 – Károly Sándor: *Igenérendszerünk a kódexirodalom első szakaszában*. (Nyelvtudományi Értekezések 10.) Akadémiai Kiadó, Budapest, 1956.
- Ylikoski 2003 – Ylikoski, Jussi: Defining Non-finites: Action Nominals, Converbs and Infinitives. *SKY Journal of Linguistics* 16 (2003), 185–237.

Универсальные кванторные слова в татышлинском удмуртском

И.А. Хомченкова

(ИРЯ им. Виноградова, МГУ им. Ломоносова)

В литературном удмуртском языке к универсальным кванторным словам (УКС) относятся *вань* ‘весь’, серия на *коть-* (ср. *коть-кин* [хоть-кто] ‘каждый, всякий’), *быдэс* ‘весь, целый’ [ГСУЯ 1962: 184]. В татышлинском говоре также употребляется серия на *təläsä-* (ср. *təläsäkin* ‘всякий, кто угодно, любой’) и единица *butəñ* ‘весь, целый’, заимствованные из татарского языка [Baidoullina 2003: 78]. Используются и русские заимствования *ves'* ‘весь’ и *každəj* ‘каждый’.

В докладе мы обсудим в типологической перспективе (см., в частности, [Татевосов 2002]), какие контексты свойственны этим единицам в татышлинском удмуртском. Ранее такая задача для удмуртского языка системно не решалась. Материал собран методом анкетирования в Респ. Башкортостан в с. Старый Кызыл-Яр, Ивановка и Нижнебалтачево в 2022 г. Также привлекались корпусные данные (http://udmurt.web-corpora.net/tatyshly_corpus/search).

При универсальной квантификации **определенных множеств** (DEF-квантификации) употребляются УКС *van'* и *ves'*, в некоторых идиолектах лексема *butəñ* (иногда она оценивается как устаревшая); лексема *bədes* неграмматична (1). При универсальной квантификации **генерических множеств** используется УКС *van'*, в то время как для единиц *ves'* и *butəñ* в части идиолектов недоступна такая интерпретация; лексема *bədes* неграмматична (2).

- (1) *mil'am klas-is' van' / ves' / butəñ / *bədes nəl'-l'os äjbät*
мы.GEN класс-EL весь весь весь целый девочка-PL хороший

dəžet-s'k-o

учить-DETR-PRS.3PL

‘Все девочки из нашего класса хорошо учатся’.

- (2) *van'* / *ʔves'* / *ʔbūtān* / **bādes* *äž'ämi-jos* *ku-ke* *no*
 весь весь весь целый человек-PL когда-INDEF ADD

kul-o-zə

умирать-FUT-3PL

‘Все люди когда-нибудь умрут’.

При универсальной квантификации **единичных объектов** допустимы все четыре варианта (3), при этом некоторые носители оценивают *bādes* как литературное слово, *būtān* как устаревшее, а *van'* как более подходящее для квантификации множеств.

- (3) *ruslan* *van'* / *ves'* / *bādes* / *būtān* *pirog-ez* *s'i-i-z*
 Руслан весь весь целый весь пирог-ACC есть-PST-3SG
 ‘Руслан съел весь пирог’.

Дистрибутивные УКС *každəj* и серия на *kot'* употребляются как при DEF- (4), так и при GEN-квантификации (5). Для некоторых носителей более приемлемо в таких контекстах УКС *každəj*, поскольку *kot'-kud* также имеет значение свободного выбора.

- (4) *každəj* / *ʔkot'-kud* *jablok* *n'imaz* *paket-əñ*
 каждый хоть-который яблоко отдельно пакет-LOC

kəl'l'-e

лежать-PRS.3SG

‘Каждое яблоко лежит в отдельном пакете’.

- (5) *každəj* / *ʔkot'-kud* *äž'ämi* *ku-ke* *no* *kul-o-z*
 каждый хоть-который человек когда-INDEF ADD умирать-FUT-3SG
 ‘Каждый человек когда-нибудь умрет’.

Серия на *täläsä-* также имеет значение свободного выбора (6), в некоторых идиолектах с отрицательной коннотацией (‘кто попало’). Местоимения свободного выбора сближаются как с неопределенными местоимениями [Haspelmath 1997], так и с УКС [Татевосов 2002: 163–167]. Мы рассмотрим серию на *ollo-* ... *no*, которая образована с помощью маркера неопределенности и аддитивной частицы (см. также [Зубова 2021]) и имеет похожее значение. Ее анализ как местоимения свободного выбора осложняется тем, что она употребляется не только в неверидикативных контекстах, свойственных для таких единиц (см. [Giannakidou 2001]), но и в утвердительных предложениях (7).

(6) *ta korka-je täläsä-kin=no vetl-e*
 этот дом-ILL FC-кто=ADD ходить-PRS.3SG
 ‘В этот дом ходит кто угодно / кто попало’.

(7) *mon tolon klub-is' ollo-kin-e=no adž'-i-∅*
 я вчера клуб-EL INDEF-кто-ACC=ADD видеть-PST-1SG
 ‘Я вчера в клубе кого только не видела’.

В докладе мы подробнее обсудим различия в интерпретации, а также в синтаксической дистрибуции *van'* и *ves'*, сферу употребления единиц *täläsä-* и *buñ* в сопоставлении с татарскими и башкирскими коррелятами (см., например, [Мищенко 2014]), а также нетривиальные свойства серии на *ollo-* ... *no*.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; ACC — аккузатив; ADD — аддитивная частица; EL — элатив; FC — свободный выбор; FUT — будущее время; GEN — генитив; ILL — иллатив; INDEF — неопределенность; LOC — локатив; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- ГСУЯ 1962 — П. Н. Перевощиков. Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1962.
- Зубова 2021 — Ю. Н. Зубова. Частица =но при неопределенных местоимениях в удмуртском языке // Малые языки в большой лингвистике 2021. Тезисы. URL: http://tipl.philol.msu.ru/~otipl/application/files/9216/4138/1366/MJaBL_2021_Zubova.pdf
- Мищенко 2014 — Д. Ф. Мищенко. Универсальные кванторы в башкирском языке // Сборник научных статей по материалам Третьей конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых» (25–27 сентября 2014 г.), 2014. С. 179–197.
- Татевосов 2002 — С. Г. Татевосов. Семантика составляющих именной группы: кванторные слова. Москва: ИМЛИ РАН, 2002.
- Baidoullina 2003 — A. Baidoullina. Татышлинский говор удмуртского языка: фонетика и морфология (Magistritöö). Tartu: Tartu Ülikool, 2003.

- Giannakidou 2001 — A. Giannakidou. The Meaning of Free Choice // Linguistics and Philosophy 24, 2001. P. 659–735.
- Haspelmath 1997 — M. Haspelmath. Indefinite pronouns. Oxford: Oxford University Press.
- UdmCorpus — Национальный корпус удмуртского языка (информационно-справочная система). URL: <http://udmcorpus.udman.ru/dictionary> (дата обращения: 26.08.2022).

OV and VO Order in Itelmen

J. D. Bobaljik
(Harvard University)

This paper provides a first examination of the distribution of OV and VO orders in Itelmen, primarily through the close analysis of four Itelmen texts (recorded in 1994). The central descriptive result is that a primary factor in the choice between OV and VO orders is information structure (IS): objects representing new and/or contrastive referents most frequently precede the verb, and thus post-verbal objects tend to represent referents previously mentioned in the discourse. This is illustrated in (1), consecutive lines of a text. Table 1 presents initial (unadjusted) counts of the order variation, with a significant correlation between word order and IS ($\chi^2=18.54$, $p<.001$) [to be revised below].

- (1) a. *kma mil knin i? t'-il-al-č'en*
1SG all 2SG.POSS water 1SG-drink-FUT-1>3SG
'I will drink up all your water.'

Table 1: OV/VO x Old/New (raw)

	OV	VO	Total
O _{NEW}	89	28	117
O _{OLD}	56	59	115
Total	145	87	232

- b. *k'-il-?in-(n)en mil kəlx^w-čəx*
PRT-drink-TRANS.PRT-3CL all lake-DIM
'She drank up all the little lake.'

Some Implications:

Itelmen as an OV language: Itelmen constituent order is generally flexible. However, some order is rigid and indicates a V-final order in the verbal phrase: auxiliaries (2), light verbs and ‘become’ which takes a predicative complement rigidly follow their complements:

- (2) *qaʔm łəm-aq t'-il-čen* * ... *t'-il-čen łəm-aq*
 NEG kill-NEG 1SG-AUX-1>3SG
 ‘I didn’t kill it.’

This suggests a basic (S)OV order, but as in other SOV languages (e.g., Turkish) the basic OV order signals O_{NEW} and backgrounded (old) information may be extraposed (Kornfilt 2005, Şener 2010).

The findings resolve a structural indeterminacy in perception verbs: on one parse (3a) the NP is the O of the matrix verb (with unexpressed embedded subject); on the other parse (3b), the complement of the perception verb is a clause, and NP is the subject of the subordinate verb:

- (3) *k'-əlčku-in=(n)in* *tsxal-astas* *k-k'ot-knen*
 PRT-see-TRNS.PRT=3CL fox-AUGM PRT-Come-PRT
 ‘He saw a fox coming.’
 a. [saw fox_i] [(it_i) came] NP-complement
 b. [saw [fox come]] clausal-complement

Perception constructions always show the word order in (3) whether NP is old or new. This observation can be understood if these constructions always have the clausal-complement parse (3b) (clausal complements are typically post-verbal, Georg & Volodin 1999). Removing these from the OV/VO counts removes more than half of the examples coded VO_{NEW} in Table 1.

Itelmen has a **general-subject or passive construction** (Володин 1976) whose transitivity is unclear. The patient is coded as O, but it is the only core argument. The IS:order correlation investigated here applies to true transitives, where S is the topic. In the passive construction, because there is no direct S, underlying O is the topic and thus, arguably, follows a different pattern, tending to be pre-verbal like other topics.

The correlation between information structure and word order is even stronger when perception verbs and passives are excluded ($\chi^2=39.90, p<.001$):

Table 2: revised counts

	OV	VO	Total
O _{NEW}	85	13	98
O _{OLD}	45	57	102
Total	130	70	200

Communicative efficiency: A competing hypothesis to consider is that in languages like Itelmen, in which there is no case-marking difference between subject and object, OV/VO alternations are motivated by communicative efficiency – VO order would resolve a potential ambiguity in grammatical role when there is only a single NP (Gibson et al. 2013). A logistic regression analysis shows that the effect of IS in determining OV/VO order is far greater than that of any potential disambiguation. Moreover, a predicted interaction under the communicative efficiency theory is not found.

References

- Georg & Volodin 1999 — Stefan Georg and Aleksandr P. Volodin 1999. *Die itelmenische Sprache*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Gibson et al. 2013 — Edward Gibson, Steven T. Piantadosi, Kimberly Brink, Leon Bergen, Eunice Lim, and Rebeccas Saxe 2013. A noisy-channel account of crosslinguistic word order variation. *Psychological Science* 24:1079–1088.
- Kornfilt 2005 — Jaklin Kornfilt 2005. Asymmetries between pre-verbal and post-verbal scrambling in Turkish. In *The free word order phenomenon : its syntactic sources and diversity*, ed. Joachim Sabel and Mamoru Saito, 163–181. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Şener 2010 — Serkan Şener 2010. (Non-)peripheral matters in Turkish syntax. Doctoral Dissertation, University of Connecticut, Storrs, CT.
- Володин 1976 — А. П. Володин 1976 Ительменский язык. Москва: Наука.

The functional range of the so-called Khalkha-Mongolian “completive” marker -č-

*B. Brosig
(University of Bern)*

In Khalkha Mongolian, the so-called “Completive” or “Intensive” marker -č- (-čix- in formal language or with zero imperatives, -c- when followed by the perfect suffix -sAn) is found in 12% of finite predicates (of a 6-hour-corpus of free conversation). Its meaning is usually described as stressing the completion of an action (e.g. ÖMYSMSDSMKBSG 1964:

490). In the aspecto-temporal domain, -č- indeed denotes the attainment of actional boundaries and may disambiguate predicates in which such attainment is optional. It forces past-referring interpretations of perfective markers (1), resultative interpretations of resultative-continuative markers, and future-referring interpretations for the non-past forms of inceptive-stative verbs (2), while it is incompatible with progressive marking.

(1)	a.	<i>aw-č-laa.</i>	b.	<i>aw-laa.</i>
		take-COMPL-IM.DIR.PST		take-IM.DIR.PST
		‘[SUBJ] took it.’		‘[SUBJ] took it / is about to take it.’
-
(2)	a.	<i>med-č-en.</i>	b.	<i>med-en.</i>
		come.to.know+know-COMPL-NPST		come.to.know+know-NPST
		‘[SUBJ] will come to know.’		‘[SUBJ] knows.’

However, the proposed interpretations of -č- (< -čix- < -ž *orxi*- ‘-CVB + abandon’ [Luwsanvandan 1968: 143]) also include non-aspectual notions such as unexpectedness, suddenness, forcefulness (Svantesson 2003: 168), inadvertent or dissatisfactory execution (Brosig 2014: 46-51 on Khorchin Mongolian) and carelessness (informants), similar to those of the Turkic auxiliary verbs *tašla-/kamiš-* ‘throw away’ and *ī:δ-* ‘send away, release’ (Johanson & Csató 2018: 154) and in line with a proposed cross-linguistic grammaticalization path of certain verbs into completive aspect markers (Kuteva et al. 2019: 252-253).

Judging from Khalkha corpus data, it appears evident that marking the attainment of actional boundaries cannot account for the wide distribution of -č-. With the Perfect Participle in *-sAn*, the Completive mostly shows up in contexts in which the speaker lacks full control, either with inherently uncontrollable actions (3) or with events that the speaker can partially influence (4). This usage is also frequent with other markers such as habituais (5), while with imperatives, perhaps originally by denying speaker control, -č- reduces the commitment and forceful that the speaker puts into the order (6).

(3)	<i>šön-d=öö</i>	<i>bür</i>	<i>arw-aŋ</i>	<i>xed</i>
	night-DAT=RPOSS	complete	ten-ATTR	how.many

<i>bol-coŋ</i>	<i>bai-say</i>
become-COMPL.PRF.PTCP	AUX-IM.PRS
‘At night, it <u>had</u> even <u>turned</u> ten something [minus degrees].’	

(4)	<i>aaan.</i>	+	<i>oon.</i>	+	<i>aan,</i>	<i>odoo</i>	<i>oilog-coŋ.</i>
	INTERJ		INTERJ		INTERJ	now	understand-COMPL.PRF.PTCP
‘Ahhh. Ohhh. Well, now I <u>understood</u> .’							

- (5) *yaay, bi barag borc-iig* *tüüxii-geer=nʹ* *id-č-deg*
 INTERJ 1SG almost dried.beef-ACC raw-INS=3POSS eat-COMPL-HAB.PTCP

bai-sii=šd

AUX-PRF.PTCP.ASS=DP

‘Ick, I used to eat the dried beef stripes almost raw [since I so much liked soup with beef stripes, I didn’t care to wait for them to soften up back then].’

- (6) *sainaa-d* *xii-geed* *öx-čix-Ø!*
 NAME-DAT do-CVB give-COMPL-IMP
 ‘Could [you] put [some] on Sainaa’s plate!’

In this presentation, using corpus data confirmed by multiple informants, I explore the extent to which -č- is required to facilitate an aspectual interpretation or rather helps to express notions related to reduced agency such as lack of anticipation, control, volitionality or care, along with the contexts that influence these different interpretations.

References

- Brosig, Benjamin. 2014. The tense-aspect system of Khorchin Mongolian. In: Pirkko Suihkonen & Lindsay Whaley (eds.), *Typology of languages of Europe and Northern and Central Asia*. Amsterdam: Benjamins: 3-65.
- Johanson, Lars & Eva Csató. 2018. Grammaticalisation in Turkic. In: Bernd Heine & Heiko Narrog (eds.), *Grammaticalisation from a typological perspective*. Oxford: Oxford University Press: 146-165.
- Kuteva, Tania, Bernd Heine, Bo Hong, Haiping Long, Heiko Narrog & Seongha Rhee. 2019. *World lexicon of grammaticalization*. 2nd edition. Cambridge: Cambridge University Press.
- Luwsanwandan, Š. 1968. *Orčin cagiin mongol xelnii бүтэц: Mongol xelnii үг, нөхцөл хойр нʹ* [The structure of contemporary Mongolian: the words and suffixes of Mongolian]. Ulaanbaatar: Šinžlex uxaanii akademi.
- Öbür mongγul-un yeke surγayuli-yin mongγul sudulul-un degedü surγayuli-yin mongγul kele bicig sudulqu γajar [Institute for Mongolian language and script at the faculty of Mongolian studies of Inner Mongolia University]. 1964. *Odu üy-e-yin mongγul kele* [Modern Mongolian]. Kōkeqota: Öbür mongγul-un arad-un keblel-ün qoriy-a.
- Svantesson, Jan-Olof. 2003. Khalkha. In: Juha Janhunen (ed.), *The Mongolic languages*. London: Routledge: 154-176.

The syntactic representation of quantificational subjects in Turkish

M. Çelik

(TOBB University of Economics and Technology)

There are two main types of objects in Turkish: case-marked and non-case-marked. There are some structural differences between these two types of objects (Enç 1991; Keleşir 2001). Non-case-marked objects remain in their base-generated VP-internal position, which is evidenced by their position with respect to vP-level adverbs (1a-b). Case-marked objects, on the other hand, move to a higher position, which is why they precede vP-level adverbs.

- (1a) *Ali hızlı araba sür-er* (2a) *Ali araba-(y)ı hızlı sür-dü*
Ali fast.ADV car drive-AOR Ali car-ACC fast drive-PST
'Ali drives fast' 'Ali drove the car fast'
(1b) **Ali araba hızlı sürer.* (2b) **Ali hızlı araba-yı sür-dü.*

It has been claimed that the main difference between case-marked and non-case-marked objects is that while the former projects a DP layer, the latter does not (Cagrı, 2005). Moreover, quantifiers in Turkish also differ in whether they project a DP-category. Strong quantifiers such as *her* 'every' and *çoğu* 'most' must project a DP, as a result of which they must be case-marked (3a-b). Weak quantifiers such as *birçok* 'many' and *dört* 'four' need not project a DP and need not be case-marked (4).

- (3a) *Ali her/çoğu kitab-ı oku-du* (4) *Ali birçok/iç kitap(-ı) oku-du*
Ali every/most book-ACC read-PST Ali many/three book-ACC read-PST
'Ali read every/most book(s)' 'Ali read many/three books'
(3b) **Ali her/çoğu kitap okudu.*

It is standardly assumed that a sentence like (5), in which the object precedes the subject, is derived via the scrambling of the object to the sentence-initial position.

- (5) *kitab-ı [dört öğrenci ~~kitabı~~ oku-du*
book-ACC four student book-ACC read-PST
'Four students read the book.'

Claim. In this talk, we claim that (5) has another representation in which the subject remains in its vP-internal position and the object does not undergo scrambling at all. In those cases where the subject does not project DP, the specifier of TP may remain vacant. Under these assumptions, the syntactic representation of (5) can be as in (6).

(6) [TP ∅ [vP [DP kitabı] [vP [NumP dört öğrenci] [VP ~~[DP kitabı] [V oku]]]]-du]~~

Argument from nominalized embedded clauses.

In Turkish, DP-subjects inside nominalized embedded clauses must have genitive case. In (7a), for instance, the proper name *Ali*, which, we assume, projects DP, must have genitive marking. Similarly, strongly quantified subjects must have genitive (7b).

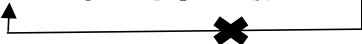
(7a) *Ahmet [Ali-*(nin) kitab-ı oku-du-ğ-un]-u duy-du*
 Ahmet Ali-GEN book-ACC read-PST-COMP-3SG.POSS-ACC hear-PST
 ‘Ahmet heard that Ali read the book.’

(7b) *Ahmet [her öğrenci-*(nin) kitab-ı oku-du-ğ-un]-u duy-du*
 Ahmet every student-GEN book-ACC read-PST-COMP-3SG.POSS-ACC hear-PST

However, weakly quantified subjects, which, we assume, do not have to project DP, need not be GEN-marked (8a). Moreover, they must remain adjacent to the embedded predicate (8b).

(8a) *Toplantı-(y)a birçok/dört öğrenci katıl-dı-ğ-ın-ı duy-du-m*
 meeting-DAT many/four student attend-PST-COMP-3SG.POSS-ACC hear-PST-1SG
 ‘I heard that many/four students attended the meeting.’

(8b) *[birçok/dört öğrenci [toplantı-(y)a ***birçok/dört öğrenci*** katıl-dı-ğ-ın-ı]] duy-du-m.

This pattern of data can be explained on the assumption that, being non-DP, weakly quantified subjects remain in their vP-internal position and are not assigned case.

References

- Arslan-Kechriotis, Z.C. (2006). “Case as an Uninterpretable Feature.” PhD Dissertation, Boğaziçi University.
 Cagri, I. (2005). “Minimality and Turkish Relative Clauses.” PhD Dissertation, UMD.

- Enç, M., (1991). "The Semantics of Specificity" *Linguistic Inquiry* 22 (1): 1-25.
- Keleşir, M. (2001). "Topics in Turkish Syntax: Clausal Structure and Scope." PhD Dissertation, MIT.
- Kornfilt, Jaklin 2003. Subject Case in Turkish nominalized clauses. Inside *Syntactic Structures and Morphological Information*, (ed.) Uwe Junghanns and Luka Szucsich, Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, p.129-216.

Fragment answers, (lack of) double negation and negative concord in Turkish

E. Görgülü

(İstanbul Sabahattin Zaim University)

This paper investigates the interpretation of negative concord items (NCIs, aka n-words) as fragment answers to negative questions in Turkish. The behavior of NCIs as fragment answers is unexpected since they do not pattern with their counterparts in other strict negative concord languages. Specifically, NCIs in Turkish display the negative concord (NC) reading but not the double negation (DN) reading when they appear as fragment answers to negative questions. In order to account for this, I argue that NCIs behave like negative indefinites that lack the semantics of negation and that they enter a syntactic agreement relation with a covert negative operator (CN) that licenses them by checking their uninterpretable negative feature, an analysis that was first proposed by Zeijlstra (2004, 2008) and further developed by others.

In a recent study, Fălăuş and Nicolae (2016) work on the possible readings of negative fragment answers in eight strict NC languages including Romanian, Czech and Greek, and show that fragment answers to negative questions have different interpretations. This is exemplified in (1).

- (1) A: *Cine nu a venit?* (Romanian)
 who not has come
 'Who has not come?'
 B: *Nimeni*
 Nobody
 'Nobody.'
 (i) nobody came... *You are the first one here.*
 (ii) nobody didn't come... *Everybody is here.*

The answer in (1B) is shown to be ambiguous. The NCI ‘nimeni’ is assigned either the NC reading where it is interpreted as *nobody*, and the double negation reading (DN) where the two negations, the NCI and the elided sentential negation, cancel out each other and the NCI is interpreted as *everybody*.

Turkish is also known as a strict NC language (Zeijlstra 2004, 2008, Kamali 2017, Jeretic (to appear)). To find out the possible readings of fragment answers in Turkish, we carried out a study and asked twenty native speakers to judge the possible meaning of fragment answers. The findings indicate that the DN reading is always unavailable. Consider the examples in (2) and (3).

(2) A: *Parti-ye kim git-me-di?*

party-DAT who go-PAST

‘Who did not go to the party?’

B: *Hiçkimse.*

(i) ‘No one.’

(ii) *‘Someone / everyone went to the party.’

(3) A: *Sen-i ne zaman dinle-me-di-m?*

you-ACC when listen-NEG-PAST-1SG

‘When did I not listen to you?’

B: *Hiçbir zaman.*

no time

‘Never.’

(i) ‘You have never cared what I said.’

(ii) *‘You have always cared what I said.’

The examples in (2) and (3) clearly show that the Turkish NCIs are only associated with the NC reading as fragments to questions and the so called DN reading is simply not available.

This raises the question why the Turkish NCIs differ from their counterparts in other NC languages. Fălăuş and Nicolae argue that the ambiguous reading of the NCIs in eight strict NC languages is due to their interaction with a covert negative operator (CN) that is present in the structure (Zeijlstra 2004, 2008). Specifically, the elided negation and the covert negative operator cancel out each other and this leads to DN, as shown in (4).

(4) [CN [NCI [SN [...]]]]

What they propose is that the NCI in the NC reading is interpreted in a way similar to how it would be interpreted in its non-elided

counterpart. The CN only surfaces in the elliptical structures (when the VP is not spelled-out) but not in non-elliptical ones. The availability of the DN reading is then accounted for by assuming that when there is no sentential negation, the CN enters the configuration.

This analysis, however, is not viable for Turkish since there is no DN reading available in fragment answers. Therefore, based on a stricter interpretation of the syntactic agreement analysis proposed by Zeijlstra (2004, 2008), I argue that the NCI and negation do not carry any semantic negative force themselves in the structure (Zidani-Eroğlu 1997, Keleşir 2001) but have only formal uninterpretable feature [uNEG] that need to be checked. This is achieved by the covert negative operator that appears locally, has the interpretable negative feature [iNEG] and checks the uninterpretable feature of the NCI and sentential negation, as in (5).

(5) [_{iNEG} Op⁻ [_{uNEG} NCI Hiçkimse_i [_{uNEG} SN..._{t_i}]]]

Following Merchant (2004) and Giannakidou (2006), I argue that the NCI in (5) has undergone movement to the left and the rest of the sentence is deleted under ellipsis. The uninterpretable feature of the NCI (as well as negation in the elided part) is checked by the covert negative operator. Unlike what Fălăuş and Nicolae claim for other strict NC languages, I argue that the negative operator appears both in elliptical and non-elliptical structures. Since there is no other element that could semantically provide negation, the NCI is assigned the only NC reading in the language.

To recap, I have shown that unlike other NCIs in strict NC languages, Turkish NCIs are unambiguously interpreted as fragment answers to negative questions. They only display the NC reading and this is accounted for by arguing that they lack the semantics of negation (along with sentential negation) and this is achieved through the covert negative operator.

References

- Fălăuş, A. & A. C. Nicolae. 2016. Fragment answers and double negation in strict negative concord languages. In M. Moroney, C. R. Little, J. Collard and D. Burgdorf (eds.), *Proceedings of the Twenty-sixth Semantics and Linguistic Theory* (SALT 26). 584-600.
- Giannakidou, A. 2000. Negative...concord. *Natural Language and Linguistic Theory* 18. 457-523. doi: 10.1023/A:1006477315705.
- Jeretić, P. (to appear). Exceptionally Optional Negative Concord with Turkish neither...nor. *Natural Language and Linguistic Theory*.

- Kamali, B. 2017. Negative concord in Turkish polar questions. Paper presented in Com(parative) Syn(tax) Meetings. Leiden University Center for Linguistics. March 2017.
- Kelepir, M. 2001. Topics in Turkish syntax: clausal structure and scope. Doctoral Diss. MIT.
- Merchant, J. 2005. Fragments and ellipsis. *Linguistics and Philosophy* 27. 661-738.
- Zeijlstra, H. 2008. Negative concord is syntactic agreement. Ms. University of Amsterdam.

The status of *ne... ne...* and optional negative concord in Turkish

E. Görgülü, B. Ünsal
(*İstanbul Sabahattin Zaim University*)

In a recent series of papers, Jeretič (2018, to appear) argues that the Turkish *ne... ne...* phrase (neither... nor...) that can coordinate different types of phrases exhibits exceptionally optional negative concord. This claim stems from the apparent interaction between the *ne... ne...* phrase with sentential negation that, according to Jeretič, may lead to different interpretations. She accounts for the difference in the behavior of the *ne... ne...* phrase with respect to other negative concord items (NCIs) by assuming that the former is type-flexible whereas the latter is type-rigid in terms of their semantics. However, we argue that the idea of the apparent optionality of the NC system does not hold since Turkish does not exhibit any characteristics, either syntactic or semantic, of hybrid and optional NC languages.

Turkish is known as a strict NC language where negative elements, also known as NCIs, need to appear with a local sentential negation (Kelepir 2001, Kamali 2017, Jeretič 2018). This is illustrated in (1).

- (1) *Hiçkimse gel-*(me)-di*
No one come-NEG-PAST
'No one came.'

In (1), the presence of sentential negation is obligatory and its absence would lead to ungrammaticality, clearly showing that the NCI *hiçkimse* requires local negation. Note however, that the same requirement is not necessary for the *ne... ne...* phrase as it does not require the presence of negation (Göksel 1987, Şener and İşsever 2003)

and seems to have its own negative semantics. In that respect, its behavior is similar to that of negative quantifiers such as *no one* and *nothing* in English. This is exemplified in (2).

- (2) *Ne Ali ne Beste gel-di*
 neither Ali nor Beste come-PAST
 ‘Neither Ali nor Beste came.’

Jeretič (2018, to appear), on the other hand, points out there is optionality in the NC system that can be observed in the *ne... ne...* constructions, as shown in (3).

- (3) *Ne Ali ne (de) Beste gel-me-di*
 neither Ali nor too Beste come-NEG-PAST

(i). ‘Neither Ali nor Beste came’. (NC)

(Context: We asked both Ali and Beste to come to the party, but neither showed up.)

(ii). ‘Neither Ali nor Beste didn’t come’. (DN)

(Context: We asked both Ali and Beste to not come to the party, but neither obeyed.)

What is interesting in (3) is that both the *ne... ne...* phrase and sentential negation appear in the same structure. Despite that, we have the negative concord (NC) reading as shown in (3i). This means that the presence of negation does not affect the meaning of the overall sentence and (3) is interpreted the same as (2) is. On the other hand, Jeretič claims that the same sentence has also the double negation reading, as in (3ii), in which case both sentential negation and the *ne... ne...* phrase must contribute their own semantics. In this reading, the negative elements cancel each other out and the sentence has the double negation reading (i.e. Both Ali and Beste came). However, the judgment task we carried out indicated that this interpretation is really hard to get, if possible at all. This is also pointed out by and the real DN interpretation that a true DN language would exhibit is unavailable in this case. Besides, the apparent optionality in NC and the DN reading that follows this phenomenon seems to arise only when the *ne... ne...* phrase connects constituents that are not full clauses. This is shown in (4).

- (4) *Ne Ali dans et-(*me)-di, ne de Beste şarkı*
 Neither Ali dance do-(NEG)-PAST nor too Beste song

*söyle-(*me)-di*

sing-(NEG)-PAST

‘Neither Ali danced nor Beste sang.’

This indicates that if *ne... ne...* is type-flexible, this is not a lexical property and only flexibility surfaces only in certain syntactic environments.

Note also that the fact that there is no DN reading available with the *ne... ne...* constructions is also evidenced by the sentence in (6).

- (5) *Ne Ahmet ne de Mehmet ne Ayşe-yine de Zeynep-i*
 neither Ahmet nor too Mehmet neither Ayşe-ACC nor too Zeynep-ACC

gör-dü

see-PAST

‘Neither Ahmet nor Mehmet saw neither Ayşe nor Zeynep.’

- (6) *Ne Ahmet ne de Mehmet ne Ayşe-yine de Zeynep-i*
 neither Ahmet nor too Mehmet neither Ayşe-ACC nor too Zeynep-ACC

gör-me-di

see-NEG-PAST

‘Neither Ahmet nor Mehmet saw neither Ayşe nor Zeynep.’

The sentence in (5) has multiple *ne... ne...* phrases but only the NC reading is available, as expected. In (6), on the other hand, there are again multiple *ne... ne...* phrases along with sentential negation in the structure. However, the only available reading is the NC reading and the DN reading does not arise. This clearly shows that there is no interaction in terms of semantics between *ne... ne...* and sentential negation, as Jeretič claims. This is in fact in line with Zeijlstra’s (2004, 2008) arguments that in strict NC languages, Turkish being one, the negative marker is semantically not negative, carrying the uninterpretable negative feature (i.e. [uNEG]).

To conclude, there is no hybridity among the negative words in the language. While elements like *hiçkimse* ‘anyone’ are true NCIs, this cannot be said about the *ne... ne...* phrase as it has its own negative semantics. However, it can independently appear in NC constructions in which case the meaning of the sentence does not change. Also, there is no optionality in the NC system in the language. *Ne... ne...* can appear with or without sentential negation with no semantic repercussions.

References

Jeretič, Paloma. 2018. Hybrid and Optional Negative Concord in Turkish: A unified analysis. In *Proceedings of Tu+2, IULC Working Papers*, 18(2). pp. 1–28.

- Jeretič, Paloma. (to appear). Exceptionally Optional Negative Concord with Turkish *neither... nor*. Natural Language and Linguistic Theory.
- Kamali, Beste. 2017. Negative concord in Turkish polar questions. Paper presented in Com(parative) Syn(tax) Meetings. Leiden University Center for Linguistics. March 23, 2017.
- Kelepir, M. 2001. Topics in Turkish syntax: clausal structure and scope. Unpublished Doctoral Dissertation. Massachusetts Institute of Technology.
- Şener, S. and S. İşsever. 2003. The interaction of negation with focus: *ne...ne...* phrases in Turkish. *Lingua* 113: 1089–1117.

The Amuric word for 'small whale' and its reflexes in other languages

J. Janhunen
(University of Helsinki)

The presentation will deal with the etymological connections of Amuric (Nivkh) *keŋ* 'small whale' (NRS 108). This word was borrowed into Tungusic as **kīaŋa* > Ulcha *keŋa* ~ *kāŋa*, Uilta *keŋa* 'small whale', and it is also present in the derivative **kīaŋa-s* > Ewenki *kienas* 'dolphin skin', Ewen *kīaŋas* 'thin (as of skin or paper)' (SSTM 1: 388). The Tungusic data allow the Amuric word to be reconstructed as **kīŋa*, which may be analysed as **kī-* 'sea' + *ŋa* 'mammal', an internal etymology which confirms the Amuric origin of the item.

Another connection for the Ghilyak word would seem to be offered by Chinese 鯨 *jīng* ~ *qíng* 'whale', Early Mandarin **khiŋ* (LRP 158, 256), Late Han **gian* (MOC 76). Although technically reconstructed as Old Chinese **gray*, this reconstruction may involve an anachronism. In any case, it cannot be ruled out that the Chinese word, or its external source, originally had a final vowel and was once pronounced more like **[kiaŋa]*. This possibility will be discussed in the presentation in light of the formal parallel offered by the words for 'wool', Turkic *yung* (EDT 941) < **nuŋa*, borrowed into Mongolic as **nuŋa-su/n* (> **nuxa-su/n* ~ **uŋa-su/n*) and into Chinese as **nuŋa* > **ñuŋ* > modern 絨 *róng*.

A third item that needs to be discussed in this context is Manchu *kenggin* "a kind of large sea mammal, perhaps a kind of whale" (CMED 232) and its Mongolian pendant *kengkin* 'fur seal' (MED 454). More details will be given in the presentation.

References

- MED = Ferdinand D. Lessing (ed.), *Mongolian-English Dictionary*, Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1960.
- MOC = Axel Schuessler, *Minimal Old Chinese and Later Han Chinese: A Companion to Grammat Serica Recensa*, Honolulu: University of Hawai'i Press, 2009.
- EDT = Sir Gerard Clauson, *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish*, Oxford: Clarendon Press, 1972.
- LRP = Edwin G. Pulleyblank, *Lexicon of Reconstructed Pronunciation in Early Middle Chinese, Late Middle Chinese, and Early Mandarin*. Vancouver: UBC Press.
- NRS = В. И. Савельева & Ч. М. Таксами, *Нивхско-русский словарь*, Москва: «Советская энциклопедия».
- SSTM = В. И. Цинциус (ed.), *Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков*, тт. 1-2, Ленинград: «Наука», 1997-1977.

Associated motion in the Lower Kolyma area:

Even, Chukchi and Tundra Yukaghir

D. Mordashova, M. Pupynina, N. Aralova

(IL RAS, ILS RAS, IL RAS)

This talk is devoted to the expression of associated motion within the Lower Kolyma area. Associated motion is a grammatical category “whose function is to associate, in different ways, different kinds of translational motion (spatial displacement / change of location) to a (generally non-motion) verb event” [Guillaume, Koch 2021: 3]. For the first time this category has been described in relation to the languages of Australia (see [Koch 1984]), and then applied to the descriptions of the languages of South America, Africa, Asia and Siberia (see [Guillaume, Koch 2021 (eds.)] for a typological overview and specific case studies). The typology of this phenomenon in the languages of Siberia and the Russian Far East has been addressed in [Volkov, Stenin 2019], and our talk focuses on three languages within this macro-areal — Even (Lower Kolyma dialect), Chukchi, and Tundra Yukaghir.

The data for this study have been collected during a field trip to the village of Andryushkino in 2022. We also involve examples from oral Even narratives recorded by us in Andryushkino and published by Sharina and Kuz'mina (2018), Yukaghir texts published by Kurilov and Odé (2012), and Chukchi texts collected in 2013-2019 by Maria Pupynina.

The grammatical systems of Even, Chukchi and Tundra Yukaghir are far from being that elaborate with respect to the expression of associated motion as the languages of South America and Australia. Each of the languages in question has a single marker pertaining to this category: *-nda* (Even), *-cqiw/-cqew* (Chukchi), and *-če* (Tundra Yukaghir, e.g.(1)).

TUNDRA YUKAGHIR

met kōnme čambii-če-me-ŋ
 I friend help-AM-TR-1SG
 ‘I’ll go to help a friend’.

In the talk we will address the semantics of these morphemes, namely, the type of motion encoded — either andative (‘go in order to P’) or ventive (‘come in order to P’), opposed as motion from or to the deictic centre, respectively. The Chukchi and Yukaghir affixes appear to have only andative semantics, while Even does not tend to distinguish between these meanings.

Apart from the semantic features, we will look into several morphosyntactic parameters that were suggested as relevant for cross-linguistic comparison in [Volkov, Stenin 2019]: namely, constraints on the distribution of the affixes (for instance, the Tundra Yukaghir *-če* is ungrammatical with verbs of motion), and argument structure of the constructions with markers of associated motion (cf. [Pakendorf, Stojnova 2021: 883–887] for the discussion of competition between spatial arguments’ encoding in Tungusic associated motion constructions).

Another parameter of variation is presence of a parallel pleonastic construction with a finite verb of motion, which governs a non-finite form with an associated motion marker. Such construction is productive in Tundra Yukaghir, is found in some Even dialects, but is not attested in Chukchi.

Abbreviations

1–3 — 1–3 person, AM — associated motion, CVB — converb, INCH — inchoative, SG — singular, TR — transitive

References

- Guillaume, Koch 2021 — A. Guillaume, H. Koch. Introduction: associated motion as a grammatical category in linguistic typology. A. Guillaume, H. Koch (eds.). *Associated motion*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2021. P. 3–30.

- Guillaume, Koch (eds.) 2021 — A. Guillaume, H. Koch (eds.). *Associated motion*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2021.
- Koch 1984 — H. Koch. The category of “associated motion” in Kaytej. *Languages in Central Australia*. 1984. Vol. 1. P. 23–34.
- Kurilov, N.N. and Cecilia Odé. 2012. En’ie, Anna Kurilova n’iedilpe. Rassказы materi, Anny Kurilovoj. [Tales from my mother Anna Kurilova] Amsterdam: Pegasus Publishers.
- Volkov, Stenin 2019 — O. S. Volkov, I. A. Stenin. Andativ i ventiv v jazykah Sibiri: k tipologii glagol'noj orientacii [Andative and ventive in languages of Siberia. Towards a typology of verbal orientation]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2019. Vol. 15. № 1. P. 289–319.

A Disagreement in the Modern Ingrian Finnish

M. Z. Muslimov
(ILS RAS)

Ingrian Finnish is a group of closely related dialects of Finnish spoken in the historical Ingermanland, i.e. in the western part of the Leningrad Region. Nowadays, Ingrian Finnish is mostly spoken by the elderly. I have been collecting field data on this idiom since 2000 and studying caritive constructions since 2018. My field data on caritive constructions are mainly elicitations collected from about 40 consultants who are native Ingrian Finnish speakers.

In the modern Ingrian Finnish, two caritive constructions are competing: *ilman*+partitive (1b) and *ilman*+abessive (1a). The abessive without a preposition is virtually not found; however, there are still isolated examples of it in our field materials, see example (2). Many local varieties of Ingrian Finnish and some idiolects have lost the abessive of nouns (the 3rd infinitive abessive being preserved) and nowadays, only the *ilman*+partitive construction is used.

(1a) *mie män-i-n metsää ilman koira-ta*
1SG go-IPF-1SG forest.ILL without dog-AB
‘I went to the forest without a dog’.

(1b) *mie män-i-n metsää ilman koiraa*
1SG go-IPF-1SG forest.ILL without dog.PART
I went to the forest without a dog.

- (2) *poika hatu-tta anto miu-l rahhaa*
 boy hat-AB give.IPF.3SG 1SG-ADAL money.PART
 ‘The boy without a hat gave me some money’.

If a NP contains an attribute – e.g. an adjective or a demonstrative that must agree with the head of NP in number and case – then, such NP is marked with a partitive, i.e. both the attribute and the head of such NP must get a partitive case marker:

- (3) *tänäpäin hiä tul’ ilman ommaa salkkuu*
 today 3SG come.IPF.3SG without own.PART bag.PART
 ‘Today, he came without his bag’.

Sometimes, the head of the NP can get an ABESSIVE case marker; however, in this case, the attribute must be put in the PARTITIVE case (not ABESSIVE!):

- (4) *män-i-n metsää ilman suur-ta koira-ta*
 go-IPF-1SG forest.ILL without big-PART dog-AB
 ‘I went to the forest without a big dog’.

In one case, we encountered the opposite situation. In example (6), the abessive marks the attribute, whereas the partitive marks the head of NP:

- (5) *ilman oma-tta koiraa hiä ei käy metsä-s*
 without own-AB dog.PART 3SG NEG.3SG walk.CN forest-IN
 ‘He doesn’t go to the forest without his dog’.

A typologically similar disagreement is noted in Estonian [Erelt et al. 116]:

- (6) *ilma pikema kaalutlemise-ta pöördu-s ta parema-le*
 without longer.GEN reflection-AB turn-IPF.3SG 3SG right-ALL
 ‘Without further reflection, he turned right’.

In the Standard Finnish, nouns in the abessive cannot have an attribute [Vilkuna, Iso suomen kielioppi, §1261].

Abbreviations

AB – abessive, ADAL – adessive-allative, ALL – allative, CN – connegative, GEN – genitive, ILL – illative, IN – inessive, IPF –

imperfect, NEG – negative, PART – partitive, PASS – passive, SG – singular.

References

- Erelt M. (peatoim.) Eesti keele grammatika II. Süntaks. Tallinn: Eesti keele instituut, 1993
- Vilkuna M. (vast. toim.). Iso suomen kielioppi. Verkkoversio on <http://scripta.kotus.fi/visk/etusivu.php>

New Lexicology of Old Turkic Runic Inscriptions

M. Ölmez

(Istanbul University)

Last ten years through new discovered runic inscriptions from Mongolia, we learnt more about Old Turkic. There are also new rock inscriptions too, they include similar rare or new lexicology too. We can mention about the topic from Delgerkhaan — Dongoyin Şiree to Hırgısıyn Ovoo. I will talk about similar inscriptions.

Turkic and Mongolic strategies to express ostension

Elisabetta Ragagnin

(Ca' Foscari University of Venice)

Ostensive predicators are “grammatical expressions whose combination with a noun phrase constitutes the core of clauses aiming to draw the attention of the addressee to the presence of some entity within the situation of discourse” (Creissels 2017: 47). In the available linguistic literature, they are also referred to as ‘presentative particles’. Examples thereof include Russian *voť*, French *voici/voilà* and Italian *ecco*. Various types of ostensive predicators can be recognized cross-linguistically. Forms originating from imperatives of the verb ‘to see’ are typologically rather common, as is the use of demonstratives; see Gruzdeva (2020), Gzella (2013), Khan (2011), Kuteva et al. (2019), Petit (2010) and Ragagnin (in print).

In this talk, I will offer and discuss preliminary data on ostensive markers in Mongolic especially, but not exclusively, in comparison with Turkic ones.

References

- Creissels, D. 2017. Copulas originating from the imperative of ‘see/look’ verbs in Mande languages. In: Bisang, W. & Malchukov, A. (eds.) *Unity and diversity in grammaticalization scenarios*. Berlin: Language Science Press. 45–66.
- Gruzdeva, E. 2020. Demonstratives in Nivkh: A semantic and pragmatic analysis. *Studia Orientalia Electronica* 8/1, 1-60.
- Gzella, H. 2013. Presentatives. In: Khan, G. (ed.) *Encyclopedia of Hebrew language and linguistics* 3. Leiden & Boston: Brill. 220–224.
- Kuteva, T. & Heine, B. & Hong, B. & Long, H. & Narrog, H. & Rhee, S. 2019². *World lexicon of grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Petit, D. 2010. On presentative particles in the Baltic languages. In: Nau, N. & Ostrowski, N. (eds.) *Particles and connectives in Baltic*. Vilnius: Vilniaus universitetas & Asociacija “Academia Salensis”. 151–170.
- Ragagnin, E. (in print). Ostensive markers in Azeri and some other Turkic languages. *Turkic Languages* 26, 66–73.

Kazym Khanty Word Stress in Optimality Theory

V. O. Tyutyunnikova

(Lomonosov Moscow State University)

The data on Khanty accentuation is diverse due to a strong dialectal variation [Rozhanskiy 2013]. Stress in the Northern dialect falls on the leftmost syllable containing a long vowel or, if there are none, on the first syllable [Nikolaeva 1999]. Stress in Eastern Khanty is assigned to the word-initial or the second syllable dependent on both vowels and syllables quality [Filchenko 2010]. In both dialects it is typical for polysyllabic words to have a secondary stress.

The knowledge of accentuation in Kazym Khanty is limited to the fact that it demonstrates generally fixed stress on the first syllable with some exceptions. For instance, three or four-syllable words can have stress on the second syllable if the vowel in this syllable is tense [Kaksin 2010]. Nevertheless, this generalization cannot fully and systematically explain stress alterations and the appearance of multiple stresses in polysyllabic words.

The research is based on the elicitation data collected during a field trip to Kazym (Khanty-Mansi Autonomous Okrug) in 2022. In order to get clear and valid evidence of stress, required words were pronounced by native speakers in context. Furthermore, the present description of the stress behavior is in accordance with the acoustic evidence of stress shown in [Praat].

In the present talk I offer an analysis of Kazym Khanty stress in the Optimality Theory framework.

1. Kazym Khanty demonstrates a bounded binary quantity-insensitive system. Syllables are parsed by binary head-initial feet aligned to the left side of the prosodic word. This fact is regulated by the constraint $FtType=Trochee$. Therefore, stress falls on every odd-numbered syllable.

2. The language has a ban on final stressed syllables which is governed by the constraint $NonFinality$. $NonFinality$ dominates $FtType=Trochee$, thus three-syllable words carry stress only on the first syllable.

3. Lax vowels cannot carry stress, hence the constraint $*StressLax$. $NonFinality > *StressLax$, which means that lax vowels can be stressed in two-syllable words since they appear only in the first syllable. $NonFinality > *StressLax > FtType=Trochee$, consequently, three-syllable words with the lax vowel in the first syllable carry stress on the second syllable, four-syllable words with the same structure have the third syllable stressed, etc.

4. Deleted stressed schwa transfers its stress prominence to the preceding syllable. This process is controlled by the constraint $PreStressSchwa$. $PreStressSchwa > FtType=Trochee$.

5. If a word has more than one stressed syllable, the most open vowel gets primary stress, and other vowels carry secondary stresses. The constraint $StressOpen$ regulates such stresses' distribution. Secondary stresses can be phonetically covert, and the described constraint is relevant when the vowels significantly differ phonetically in openness. For instance, the stresses' distribution between low /a/ and high /u/ is more clear than between low /a/ and middle-low /ɛ/.

Summing up, the following constraints are needed for the description of Kazym Khanty accentuation:

$FtType=Trochee$
 $NonFinality$
 $*StressLax$
 $PreStressSchwa$
 $StressOpen$

In conclusion, I have described Kazym Khanty stress behavior using the Optimality Theory methods. The accentuation system is, as in the other Khanty dialects, sensitive to vowel quality and has multiple stresses in polysyllabic words. Nonetheless, the Kazym dialect demonstrates distinctive rhythmic stress whose assignment is also influenced by other phonological processes, such as schwa behavior.

References

- Rozhanskiy 2013 — F. Rozhanskiy. Morphological nature of Mari accentuation as viewed from the Uralic perspective. *Linguistica Uralica* XLIX, 2013. P. 202
- Nikolaeva 1999 — I. Nikolaeva. Ostyak. *Languages of the World/Materials* 305, Lincom Europa, 1999. P. 11.
- Filchenko 2010 — A. Filchenko. Aspects of the Grammar of Eastern Khanty. *Tomsk*, 2010. P. 73—76.
- Kaksin 2010 — A. Kaksin. Kazymskiy dialekt khantyiskogo yazyka [Kazym dialect of the Khanty language]. *Khanty-Mansiysk*, 2010. P. 34—37.
- Praat — Boersma, Paul & Weenink, David (2022). Praat: doing phonetics by computer [Computer program]. Version 6.2.16, retrieved 18 August 2022 from <http://www.praat.org/>

Denominal suffixal verbs in Bystraja Even: evidence for the typology and diachrony of noun incorporation

A. Vinyar, T. Kazakova

(National Research University Higher School of Economics)

Apart from denominal verbalizers with abstract semantics like *-la/-ra* ‘use *x*’ (1), Bystraja Even¹ exhibits much rarer verbalizing constructions. In these constructions the verbalizing element is a bound morpheme (affix) that conveys «lexically-heavy» meaning (2) which is traditionally considered to pertain to verbal roots. Such root-like affixes have been studied in detail for Eskimo-Aleut languages (Fortescue 1983;

¹ An Eastern Even (Tungusic) dialect spoken in Bystrinsky District of Kamchatka, Far-Eastern Russia (see Packendorf & Aralova (2020) for an overview of Even and its dialects). If the source for language examples is not offered, then the data is obtained by the authors during 2021 fieldtrip to Esso and Anavgaj villages in Bystrinsky District.

Johns 2007), North American Native languages and especially languages of North-Western Coast (see Mithun 1997; Gerdts & Marlett 2008), and Chukotian languages (see Kurebito 2001; Kurebito 2017) under the labels of lexical affixation (see Mithun 1997) or incorporation (see Johns 2007). In this paper we label Bystraja Even denominal verbs with semantically rich suffixal component as affixal verb constructions (see Muro 2008 for a related term).

- (1) *učik-la-či-d-de-∅*
 riding.reindeer-USE-RES-PROG-NFUT-3PL
 ‘They rided reindeer.’

- (2) *olla-ma-ri-n*
 fish-GO.HUNT-PST-3SG
 ‘He went fishing.’

The goals of this paper are twofold. Firstly, we study the function of nine suffixal verbs and deepen the understanding of their semantics as compared to previous descriptions such as Cincius (1947). The results of this semantic study enable us to claim that suffixal verbs in Bystraja Even indeed share semantic properties with the formal class of $\sqrt{ROOT}$ (see Harley 2005). For instance, they denote a specific manner (see 3) or state in which an event unfolds and thus have important commonalities with noun-incorporating roots in other languages.

- (3) *#olla-ma-ri-n* *magazin-teki*
 fish-GO.HUNT-PST-3SG storER-DIR
 Intended: ‘He went to buy a fish in the store’.
 Interpretation: ‘It is like he went fishing to the store’.

Secondly, after establishing the semantic similarities between suffixal verbs in Bystraja Even and noun incorporation constructions in other languages, we test how well the morphosyntax of Bystraja Even constructions match the functional-typological generalizations on the diachrony of noun incorporation constructions’ syntax formulated by Mithun (1984). We argue that the commonly assumed development path of affixal verb-like construction from morphologized noun incorporation constructions (see Mithun 1984; 1997) cannot account for the presence of doubling (4) and stranding (5) syntactic patterns in Bystraja Even suffixal verb constructions. According to Mithun (1984), constructions like (4)-(5) are expected in languages where noun incorporation-like constructions promoting a discursively-salient participant are also present. However, they are virtually absent in Bystraja Even.

- (4) *ewečə-l-bu* *olla-mi-ri-n*
 chinook.salmon-PL-ACC fish-HUNT-PST-3SG
 'He caught a chinook salmon'.
- (5) *egde-m* *olla-mi-ri-n*
 big-ACC fish-HUNT-PST-3SG
 'He caught a big fish'.

Abbreviations

1, 2, 3 — 1, 2, 3 person; ACC — accusative; DIR — directive;
 GO.HUNT — verbalization 'go to hunt x'; HUNT — verbalization 'go
 to hunt x'; NFUT — nonfuture tense; PL — plural number; PROG —
 progressive; PST — past tense; RES — resaltative, SG — singular
 number, USE — verbalization 'use x'.

References

- Cinciuss, V. I. (1947). Očerok grammatiki evenskogo (lamutskogo) yazyka [A Sketch of the Even (Lamut) Language Grammar]. Moscow; Leningrad: Leningrad branch of Uchpedgiz, 1947.
- Fortescue, M. (1983). A comparative manual of affixes for the inuit dialects of Greenland, Canada, and Alaska. Copenhagen: Meddelelser om Grønland.
- Gerds, D. B., & Marlett, S. A. (2008). Introduction: The form and function of denominal verb constructions. *International Journal of American Linguistics*, 74(4). P. 409-422.
- Harley, H. (2005). How do verbs get their names? Denominal verbs, manner incorporation and the Ontology of verb roots in English. In N. Erteschik-Shir & T. Rapoport (Eds.), *The syntax of aspect*. Oxford: Oxford University Press. P. 42-64.
- Johns, A. (2007) Restricting noun incorporation: root movement // *Natural Language & Linguistic Theory*. 2007. V. 25. №. 3. P. 535-576.
- Johns A. (2009) Additional facts about noun incorporation (in Inuktitut) // *Lingua*. V. 119. №. 2. P. 185-198.
- Kurebito, M. (2017). Koryak. In *The Oxford handbook of polysynthesis*. 2017.
- Kurebito T. (2001) On lexical affixes in Chukchi – *Languages of the Pacific Rim* 6. P. 65-84.
- Mithun, M. (1984). The evolution of noun incorporation // *Language* 60 (4), 1984. P. 847–894.

- Mithun, M. (1997). Lexical affixes and morphological typology // Essays on language function and language type. 1997. P. 357-371.
- Muro, A. (2008). Lexical affixation in Salish and Wakashan and its relevance for a theory of polysynthesis. *Padua Working Papers in Linguistics* 2. P. 1-28.
- Packendorf, B. & Aralova, N. (2020). Even and the Northern Tungusic languages. Robbeets, Martine & Alexander Savelyev. *The Oxford Guide to the Transeurasian Languages*, Oxford University Press. P. 288-304.

Layers of Vowel Phonological System and Variation in the Sibe Language

Zheng Zhonghua

(Nanchang Institute of Science and Technology)

Sibe is a Manchu-Tungus language — the only living language of the Manchu group in China, fluently spoken by approximately 20,000 native speakers in Xinjiang Autonomous Region. Essentially, Sibe is a Manchurian dialect intercommunicable with Manchurian, which used to be spoken in Northeast China. The writing system traditionally used for Sibe is, in fact, the Manchu script. It has a great impact on the oral usage of the Sibe language. Considering the mainstream trend followed by the Chinese scholars to study written Sibe, I have to point out that this paper deals with the oral form of Sibe.

The study is based on the materials obtained as a result of the fieldwork that took place in several villages of Xinjiang Chabchar Sibe Autonomous Province in 2014. During this research 17 native Sibe speakers were interviewed.

It has to be noted that the status of the vowels /ɛ/, /œ/ and /y/ in the phonological system of oral Sibe is controversial. On the one hand, their appearance is conditionally constrained by certain partially predictable phonological environment. For this reason, they can be labeled as allophones. However, on the other hand, they have features that are typical of phonemes as well. In the previous studies, there were several proposals concerning the range of Sibe vowels. The Japanese scholar Hattori Shiro recognized only 5 vowel phonemes /a/, /ə/, /i/, /o/, /u/. The Korean scholar Jang Taeho recognized 9 vowel phonemes, adding /ə/ to the vocal repertoire /a/, /ə/, /i/, /o/, /u/, /ɛ/, /œ/, /y/. Most Chinese scholars, in their turn, believe that there are 8 vowels such as /a/, /ə/, /i/, /o/, /u/, /ɛ/, /œ/, /y/ in the Sibe vowel system.

Written Manchurian (the Manchu script is used for Sibe) was coined in 1599 and improved in 1632. It was based on the Manchurian dialect spoken by Jianzhou Jurchens. Therefore, a written form that existed 400 years ago can be seen as a possible living linguistic fact and taken as a Manchurian ancient form for the purpose of present comparison. The orthography has hardly changed since then, and, occasionally, we can witness the correspondence between several conventional graphic clusters and phonemes. This study analyzes the correspondence of this kind and figures out the possible connection between the syllabic structures containing /a, ə, i, o, u/ and /ɛ, œ, y/.

The structure /a_i/ or /ai/ in the written form corresponds to /ɛ/ in the oral form, e.g. /aiχa/ vs. /ɛχ/ ‘big beads’; /o_i/ or /oi/ corresponds to /œ_i/, e.g. /forimpi/ vs. /fœrim/ ‘to beat’; /u_i/ or /ui/ corresponds to /y_y/, e.g. /tulxin/ vs. [ty.ɪxỹ] ‘spleen’. There are also other correspondences not listed here.

However, the recent investigation of Sibe dialects (8 villages in Chabchar) shows that the vowel variation of Sibe is very complicated and the previously mentioned correspondences do not always work. For instance, ‘fox’ is recorded as [tiɐv], [tœf] and [ty²f], and ‘to listen’ is recorded as [tyɛntɛim], [tontɛim] and [tɪntɛim], to name just a few. That is to say that the linguistic fact of Sibe is not a static and unchangeable system, but full of relevant and unstable sound variation.

To conclude, this study suggests that Sibe has 8 vowel phonemes and proposes two layers in the vowel phonological system: one is the frequent and unpredictable vowels /a/, /ə/, /i/, /o/, /u/ taken as “central phonemes”, the other one comprises rare and partially predictable vowels /ɛ, œ, y/ that are regarded as “marginal phonemes”. The reason why different layers of phonological system is necessary is to respond to the “ideal” concept of “phoneme” and “allophone” as an “either or” pair of phone allocation. In actual language investigation and documentation, such variations like in Sibe are common, especially in loanword and onomatopoeia, thus the status of sounds in a language can hardly be equal. Sibe is an example of such dilemma, that the vowels /ɛ/, /œ/, /y/ fall in the grey zone, hence different researchers having different proposals to deal with them. Putting forward “central” and “marginal” phonemes is a matter of expediency and compromise of different academic perspectives on a single fact.

References

Chaoke, D. O. 2006. *The Study of Modern Oral Sibe*. Beijing: The Ethnic Publishing House.

- Li, Sulan, Zhongqian and Qingfeng Wang. 1982. The Study of Oral Sibe. Beijing: The Ethnic Publishing House.
- Jang, Taeho. 2002. The Study of Sibe Grammar. Doctoral dissertation: Minzu University of China.
- Yamamoto, Kengo and Hattori Shiro. 1969. Basic Vocabulary of Oral Manchurian. Tokyo: Research Institute for Languages and Cultures of Asia and Africa, Tokyo University of Foreign Studies.